РАБОЧІЙ ЗАГОВОРЪ

№ 1.

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

1907 г.

РАБОЧІЙ ЗАГОВОРЪ

№ 1.

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

1907 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Первый номеръ „Р. З.“ былъ готовъ къ печати еще въ концѣ октября прошлаго года. Однако, вслѣдствіе цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ напечатать его въ самой Россіи — въ легальной, либо нелегальной типографіи, — изданіе запаздываетъ на цѣлыхъ три мѣсяца.

Январь, 1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
12	12 и 11 снизу.	...стачку въ Одессѣ. Но здѣсь...	...стачку въ Одессѣ. Всеобщая стачка захватила немедленно также и Кіевъ, Николаевъ, Екатеринославъ и др. Но здѣсь...
13	13 снизу.	с. д. въ	с. д. — въ
20	18 „	Пропущены звѣздочки	* * * (знакъ новой главы).
28	3 и 4 „	Лишнія скобки.	
31	1 „	...всѣ и землекопы..	всѣ: и землекопы
33	21 „	Еще бы?	Еще бы!
34	6 и 7 сверху	...развитіе этой борьбы на всѣ жизненныя производства.	....распространеніе этой борьбы на всѣ важнѣйшія производства.
36	14 и 15 „	...голодающими. Этого...	...голодающими,—этого
36	18 „	...де...	...то...
37	4 снизу	...пожалуй, выше...	...пожалуй, не выше
42	19 „	...общества...	...кризиса
42	11 „	...спокойно пишутъ...	...мало безпокоятся
47	26 „	...всега...	...всегда
64	15 сверху	...Ни...	...Но
64	17 „	...Загробнага...	...Загробнаго
78	21 „	...получилъ...	...получалъ
83	29 „	Пропущено: (Продолженіе слѣдуетъ).	

* * *

Уже второй годъ россійская интеллигенція ждетъ напрасно возврата своей революціи. Пускай же ея буржуазная революція не вернется уже больше никогда! Пусть страшный голодъ и неволя обрѣтутъ наконецъ свой собственный бунтъ, свою собственную рабочую революцію!...

День за днемъ безжалостно раскрываетъ ничтожество и ложь всѣхъ великихъ „освободительныхъ" плановъ интеллигенціи.

За что, за кого пролито столько крови въ рабочихъ, крестьянскихъ и военныхъ возстаніяхъ? за кого, за что столько людей гибнетъ на висѣлицахъ?

За народное представительство, за опеку надъ голодной Россіей новыхъ, выборныхъ спасителей государства.

Кто же отнынѣ будетъ спасать голодныхъ? Быть можетъ счастье улыбнется новымъ, ученымъ барамъ, краснобаямъ-кадетамъ, но несомнѣнно одно: почести народныхъ представителей достанутся всѣмъ октябристскимъ тузамъ и „зубрамъ"-крѣпостникамъ.

Вотъ за это народное представительство Гапонъ повелъ петербургскихъ рабочихъ въ рѣзню 9-го января; за это народное представительство рабочіе поднимали всѣ политическія стачки; это народное представительство отстояли и упрочили соціалисты московскими баррикадами и всѣми рабочими и военными бунтами.

Завоеванное соціалистами и вымуштрованное Столыпинымъ народное представительство въ высшей степени выгодно самому россійскому самодержцу. Онъ пріобрѣлъ новый способъ властвовать надъ милліонами рабовъ: къ нагайкамъ, пулямъ и царскимъ шпіонамъ присоединя-

ется еще болтовня „народныхъ избранниковъ“, такъ ловко заговаривающихъ зубы голоднымъ.

Не такъ просто рѣшить вопросъ – чье собственно завоеванiе Государственная Дума,—россiйскихъ ли революцiонеровъ и соцiалистовъ, или „самодержавныхъ бюрократовъ“? Даже третью думу соцiалисты не думаютъ уступить Столыпину. Когда „избиратель“ готовъ былъ плюнуть на „комедiю“,—наиболѣе прозорливые изъ соцiалистовъ, с-д-ки очертя голову бросились въ избирательную кампанiю и своимъ воодушевленiемъ, своей привычной болтовней о грядущихъ „возстанiяхъ“ и „республикахъ“ доказали, что государственная дума не комедiя, а все же „народное представительство“.

Такимъ образомъ соцiалисты „берегутъ думу“ не менѣе кадетовъ. Кадетскую же „сдѣлку съ царемъ“ они „разоблачаютъ“ потому, что имъ самимъ пока ничего не досталось—очередь пока дошла только до кадетовъ. Но они надѣются, что упорнымъ и многолѣтнимъ „политическимъ воспитанiемъ“ народа добьются наконецъ того же счастья, которое было „такъ близко, такъ возможно“ для кадетовъ. Государственная дума, какова бы она ни была, это та дорожка, по которой вслѣдъ за кадетами всѣ по очереди лѣвыя партiи вплоть до с-д-овъ надѣются достигнуть почетнаго и непосредственнаго сотрудничества съ „возлюбленнымъ“ монархомъ.

Вотъ на какомъ пути россiйская интеллигенцiя намѣрена закончить свою вѣковую ссору съ царемъ. Залогомъ соглашенiя является нынѣ, при несомнѣнно самодержавномъ монархѣ созываемая дума, которая нужна, оказывается, и царю, и всей интеллигенцiи до соцiалистовъ включительно.

Такимъ образомъ, изъ всего полувѣкового революцiоннаго движенiя, изъ всѣхъ крамольныхъ мыслей, книгъ и наукъ, изъ всѣхъ соцiалистическихъ мечтанiй выросла... подпорка для всероссiйской тюрьмы. Если когда нибудь всѣмъ лѣвымъ партiямъ удастся „прiобщиться“

къ власти—подпорка станетъ еще крѣпче. Тогда для охраны всероссiйкой тюрьмы, для ея укрѣпленiя въ помощь штыкамъ и шпiонамъ явится весь богатый умъ ученыхъ людей, всѣ разнообразные таланты интеллигенцiи.

Объ этихъ западно-европейскихъ порядкахъ на своей родинѣ, о полной свободѣ ученыхъ людей мечтаетъ вся свободолюбивая интеллигенцiя. И она увѣрена, что, не смотря на неудачи революцiи, ее все-таки въ концѣ концовъ „призовутъ“... на помощь полицiи для „умиротворенiя страны“. Не удастся вамъ, говоритъ интеллигенцiя, не удастся вамъ безъ нашей помощи, старыми средствами успокоить голодные миллiоны, только мы одни обладаемъ искусствомъ успокоить голодныхъ, не давая имъ хлѣба, однѣми красивыми рѣчами да пѣснями о свободѣ и соцiализмѣ.

Пѣсни о свободѣ и соцiализмѣ оказались, однако, не столь всемогущими, какъ ожидала интеллигенцiя: русскiй некультурный человѣкъ черезчуръ еще много думаетъ о хлѣбѣ и мало цѣнитъ идеи и идеалы. Это обстоятельство напугало интеллигенцiю и прiостановило буржуазную революцiю. Свободолюбцы рѣшили „перевоспитывать“ пока некультурныя рабочiя массы впредь до новаго „революцiоннаго подъема“, т. е. обуздать, уничтожить ихъ стремленiе къ борьбѣ за хлѣбъ, за экономическiя требованiя, за рабочее дѣло и подмѣнить его борьбой за идею, за политическiя требованiя, за интеллигентскую свободу.

Тѣмъ временемъ, распустивъ вторую думу, самодержавное правительство дождалось полной своей побѣды. Оно окончательно принудило не только кадетовъ, но и всѣхъ лѣвыхъ смириться и прекратить свою революцiю. Именно въ тотъ моментъ, когда новымъ избирательнымъ закономъ правительство отрѣзало крайнимъ партiямъ прежнiй доступъ въ думу, всѣ лѣвые не только бросили окончательно надежды на близкiй „революцiонный подъ-

емъ“, но принялись поскорѣй успокаивать страну, чтобъ заслужить снисхожденіе всесильнаго самодержавнаго правительства. Всѣ соціалисты осудили собственныя „партизанскія выступленія“, а с-д-ки стали осуждать даже свои политическія убійства. Однимъ словомъ правительство принудило всѣхъ свободолюбцевъ дѣлать для него, для самодержавія то, что тѣ хотѣли исполнить только послѣ низверженія самодержавія; правительство принудило свободолюбивую интеллигенцію заняться успокоеніемъ и укрѣпленіемъ государства.

Соціалисты рѣшили самымъ основательнымъ образомъ успокоить ту среду, которую недавно больше всего бунтовали для своей революціи, т. е. городскихъ рабочихъ. Они всѣми силами стараются, чтобъ лучше поставленные занятые рабочіе совершенно забыли, что кругомъ идутъ разсчеты, прижимки, что во всей России царитъ голодъ.

Всѣ соціалистическія партіи призываютъ рабочихъ заняться теперь, по случаю „заминки въ революціи“ культурно-просвѣтительной работой. И рабочелюбивые интеллигенты съ большимъ усердіемъ кормятъ рабочихъ лекціями по физикѣ и астрономіи. Это очень нужно: углубившись въ такіе ученые вопросы, рабочіе скорѣе забудутъ, что вотъ изъ недавно разсчитанныхъ товарищей вчера одинъ бросился въ рѣку, сегодня другой выпилъ уксусной эссенціи.

Другіе рабочелюбцы, всякіе заштатные соціалисты, перепуганные на смерть бывшими возстаніями, выдумали особую игрушку для умиротворенія страны — производительные и потребительные кооперативы. Эти ханжи увѣряютъ, что безъ всякихъ возстаній, безъ всякихъ стачекъ, просто съ разрѣшенія градоначальника можно пріуготовить гибель капиталистамъ.

Но наилучшимъ средствомъ успокоенія рабочихъ служатъ у соціалистовъ въ данный моментъ профессіональные союзы. Рабочія массы, въ особенности хуже поставленныя, рвутся въ свою экономическую борьбу теперь такъ же, какъ и въ прежніе годы. Вспомнить хотя бы недавнія стачки текстильщиковъ. Но соціалисты увѣряютъ, что безъ широкаго профессіональнаго союза стачки не выиграешь, а такъ какъ сильные профессіональные союзы въ России могутъ появиться развѣ только послѣ многолѣтней работы либераловъ и соціалистовъ, — то отсюда слѣдуетъ, что теперь никакой экономической стачки подымать не стоитъ. Пусть только рабочіе повѣрятъ этимъ сказкамъ, и соціалисты вмѣстѣ съ буржуазіей уже предохранены отъ экономическихъ забастовокъ!

Не только соціалисты, но и нынѣшнее правительство полагаетъ, что рабочіе теперь должны успокоиться и своихъ стачекъ не подымать. Такъ что соціалисты могутъ положиться и на правительство. Если только какой либо профессіональный союзъ захочетъ все же, по старой памяти, вести бунтарскую борьбу, его немедленно закроютъ. Если же пока нѣкоторые профессіональные союзы нелегальны, то вѣдь его вожаками являются разные партійные и „безпартійные“ соціалисты, насквозь пропитанные интеллигентскими идеями и программами. Они всегда будутъ доказывать, что касса для стачки пока ничтожна, что „моментъ не подходящій“, что надо погодить.

Соціалисты надѣются, что своимъ воспитаніемъ они опять, какъ до революціи, убѣдятъ рабочихъ отложить экономическую борьбу до наступленія полной политической свободы, и пока бороться все еще за политику, за „свободу борьбы“, за свободу профессіональныхъ организацій. При сильномъ стремленіи рабочихъ добиться свободы союзовъ, при постоянныхъ на этой почвѣ столкновеніяхъ съ правительствомъ, легко можетъ наступить, думаютъ себѣ соціалисты, новый „революціонный подъемъ“. И рабочіе опять на своей спинѣ, мечтаютъ они, поднимутъ на одну ступеньку ближе къ власти кадетовъ, всю оппозицію, всю интеллигенцію.

Между тѣмъ, видя, какъ всѣ организаціи — и соціалистическія и профессіональныя — служатъ лишь интеллигентскимъ цѣлямъ и совершенно обезсиливаютъ рабочихъ, капиталисты пустили въ ходъ свое страшное средство — локауты, чтобы до крайности уменьшить заработную плату, чтобы окончательно принизить рабочихъ и принудить ихъ къ покорности.

Выйти изъ этого положенія, дать отпоръ звѣрству хозяевъ, не служить больше никогда пушечнымъ мясомъ для интеллигенціи и бороться только за себя, рабочіе могутъ только въ нелегальной организаціи массовыхъ экономическихъ стачекъ, отвергающихъ всю лживую политику и соціалистовъ и профессіоналовъ. Тѣ рабочіе, которые рѣшили бороться исключительно за экономическія требованія и бороться при первой возможности, должны такой организаціей связать всѣ профессіи. Такая организація должна стремиться *расширить* всякую экономическую стачку, возникающую въ данной мѣстности, должна добиваться уступокъ угрозой массовой и всеобщей стачки.

Соціалисты надѣются, что усыпляя лучше поставленныхъ рабочихъ своей культурно-просвѣтительной дѣятельностью, кооперативами, профессіональными уставами и выборами, они оторвутъ занятыхъ рабочихъ отъ всѣхъ безработныхъ и голодныхъ и спасутъ буржуазію отъ всеобщаго рабочаго возстанія.

Всеобщая экономическая стачка разстроитъ этотъ хитрый замыселъ интеллигенціи. Она поставитъ требованіе обезпеченія безработныхъ путемъ повсемѣстнаго учрежденія общественныхъ работъ и объединитъ такимъ образомъ бунты всѣхъ голодныхъ массъ — и городскихъ и деревенскихъ — въ единомъ рабочемъ требованіи.

ИТОГИ РОССIЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦIИ

„Россiйская революцiя одержала рѣшительную побѣду! Самодержавiе безвозвратно погибло! — такъ ликовали повсюду 17 октября либералы и соцiалисты. Но, увы, вслѣдъ за прiятнымъ царскимъ манифестомъ на головы ликующихъ обрушились погромы, заставившие ихъ глубоко усомниться въ своей побѣдѣ. Теперь же, спустя неполныхъ два года, даже наиболѣе сытые свободолюбцы, даже наиболѣе умѣренные изъ нихъ, въ родѣ кн. Трубецкого, заявляютъ: „самодержавiе возстановлено". Да, самодержавiе не только существуетъ по прежнему, но еще надѣется изъ самой же революцiи почерпать для себя новую силу. Въ самомъ дѣлѣ, царское правительство оказалось достаточно сильнымъ, чтобы разгонять „народныхъ представителей" до тѣхъ поръ, пока не получитъ покорной и послушной думы. Но тогда и дума, и вся конституцiя послужатъ царю лишь украшенiемъ и укрѣпленiемъ его самодержавной власти.

Есть отчего горевать всему стану освободителей. Еще недавно тамъ господствовало столь задорное бахвальство, столько слышалось веселыхъ шутокъ и безконечныхъ насмѣшекъ надъ гнилымъ и обанкротившимся самодержавiемъ, надъ глупой и безсильной бюрократiей. Но теперь имъ уже не до шутокъ. Теперь среди освободителей царятъ растерянность и унынiе, хоть они стараются „выглядѣть веселѣе". Пораженiе слѣдуетъ за пораженiемъ, а силы исчерпаны; нѣтъ у нихъ больше оружья, нѣтъ защиты противъ черносотенцевъ, если тѣ даже вздумаютъ совершенно устранить думу. И освободителямъ остается лишь молить своего врага: самодержавный царь! Оставь, оставь думу, — если ужь не демократическую, если ужь не кадетскую, то хоть октябристскую, хоть черносотенную!...

Почему же россiйскихъ свободолюбцевъ постигла такая жестокая неудача? Они сами доискиваются причины своихъ промаховъ, своихъ пораженiй. Они сами признаютъ, что ихъ бѣда была въ томъ, что въ революцiю выступила лишь незначительная часть всего населенiя россiйскаго государства. Теперь уже всѣ — не только либералы, но и соцiалисты — жалѣютъ, что пытались поднять московское возстанiе и обнаружили въ немъ передъ правительствомъ всю свою слабость, свою малочисленность. Но по какой причинѣ „весь народъ", всѣ эти голодные и несчастные миллiоны не поднялись на борьбу? Укажутъ ли россiйскiе свободолюбцы когда нибудь эту причину? Можетъ быть, они укажутъ ее теперь, когда подавлены неудачами и сознаются въ своихъ ошибкахъ? О нѣтъ! Никогда, ни за что, ни подъ какимъ видомъ не скажутъ они этой ясной, этой очевидной правды. И теперь, среди своихъ бѣдствiй, они будутъ замазывать ее, будутъ лгать и обманывать точно такъ же, какъ и раньше въ дни своихъ побѣдъ.

Между тѣмъ дѣло яснѣе яснаго. Голодные, порабощенные миллiоны не пошли въ буржуазную революцiю потому, что *не имъ* она несла свободу. Ихъ не поднялъ на борьбу россiйскiй парламентъ, пустое краснобайство думскихъ ораторовъ. Ихъ не соблазнила политическая свобода, обѣщавшая имъ свободную болтовню интеллигентовъ — вмѣсто хлѣба. Не соблазнили ихъ не только „волей", но и „землей", которая въ лучшемъ случаѣ, даже послѣ побѣды самихъ с.-р—овъ и с.-д—овъ накормила бы лишь немногихъ, оставляя всѣ миллiоны по прежнему голодными.

Вотъ почему „освободительное движенiе" терпитъ пораженiя безъ конца. Великодушные свободолюбцы ужъ черезчуръ дешево хотѣли отдѣлаться отъ голодныхъ массъ, ужъ слишкомъ ловко надѣялись обмануть ихъ. Переусердствовали, можно сказать, даже во вредъ самимъ себѣ — ужъ черезчуръ буржуазную революцiю захотѣли имѣть. Но чтожъ имъ было дѣлать, этимъ мудрымъ свободолюбцамъ, когда экономическая революцiя имъ страшнѣе царскихъ пулеметовъ, когда всероссiйскаго экономическаго бунта рабочихъ массъ боятся даже соцiалисты. Съ такимъ страхомъ въ душѣ нельзя побѣдить самодержца обширнѣйшей въ мiрѣ имперiи.

Въ протекшей россiйской революцiи должно было побѣдить самодержавiе.

* * *

Давно уже россiйская интеллигенцiя стремится добыть себѣ полную свободу, свободу непосредственно и самолично управлять государствомъ, его казной и подвластными ему рабочими массами. На протяженiи болѣе чѣмъ полувѣка она, въ лицѣ самыхъ различныхъ партiй, пытается низвергнуть азiатскiй режимъ и ввести западноевропейскiй. Но каждый разъ она убѣждается въ своемъ безсилiи. И каждый разъ во всѣхъ своихъ злоключенiяхъ она винитъ народныя массы, не ощущающiя молъ никакой потребности въ свободѣ. Никогда только не пробовала никакая революцiонная партiя поискать причину живучести самодержавiя тамъ, гдѣ она дѣйствительно скрыта — въ самой интеллигенцiи.

Для россiйской интеллигенцiи чрезвычайно важно низверженiе самодержавiя, но еще важнѣе собственное существованiе, какъ привиллегированнаго класса бѣлоручекъ. Она только затѣмъ и бунтуетъ противъ царя, чтобы развить свое собственное господское положенiе во всей его полнотѣ, освободить себя отъ тѣхъ несмѣтныхъ расходовъ, которые вырываетъ у образованнаго господскаго общества и самодержавная династiя и ея слуги бюрократы. Но вотъ очень часто, среди такихъ свободолюбивыхъ мечтанiй и плановъ, въ разгарѣ борьбы противъ абсолютизма, душу интеллигенцiи вдругъ охватываетъ тревога: не грозитъ ли опасность и собственному ея существованiю въ случаѣ полнаго уничтоженiя старой власти, подъ крыльями которой она и выросла? Не откажутся ли носить ее по прежнему на своей спинѣ эти голодныя, невѣжественныя массы, которыя вѣдь голодны и невѣжественны только потому, что бѣлоручки ужъ слишкомъ сыты и культурны? Можно ли ручаться, что голодныя массы, низвергая самодержавiе, оставятъ въ покоѣ бѣлоручекъ? Мучительная тревога превращается въ ужасъ отчаянiя, когда вдругъ окажется, что россiйская голытьба способна даже на погромы. Тутъ интеллигенцiя убѣждается, что голодные къ ней особенно нѣжныхъ чувствъ не питаютъ; у нея пропадаетъ

охота призывать ихъ къ бунту и она сдается самодержавію.

Итакъ, сила и прочность самодержавной власти проистекаетъ отъ того, что ее начинаютъ поддерживать наряду съ дворянами не только купцы и промышленники, но и образованная буржуазія, отъ того, что въ самодержавіи нуждается, хоть это ей и непріятно, сама свободолюбивая интеллигенція. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно будетъ посмотрѣть, какъ даже планы соціалистической интеллигенціи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, даже работа соціалистовъ по буржуазному перевоспитанію массъ не могла быть совершена безъ наличности такой сильной государственной власти, какъ россійское самодержавіе.

Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго десятилѣтія по всей Россіи поднялось необычайно широкое стачечное движеніе. Бастовали цѣлые города, цѣлые районы то въ одномъ, то въ другомъ концѣ Россіи. Петербургъ, Баку, Рига, Маріуполь, Либава, Иваново-Вознесенскъ... Революціонная интеллигенція не успѣла еще захватить движеніе въ свои руки: политиковъ бунтующіеся рабочіе не хотѣли слушать, и с.д—ки, чтобы имѣть хоть какое либо вліяніе, принуждены были объявить себя экономистами. Рабочіе тогда не боролись еще за интеллигенцію, за своихъ новыхъ конституціонныхъ господъ правителей. По всей Россіи они были готовы поднять всеобщій экономическій бунтъ противъ своей вѣковой неволи и вырвать у буржуазіи крупныя завоеванія. Это наглядно доказывала хотя бы южнорусская всеобщая стачка 1903 г. Въ Баку забастовали всѣ рабочіе, заявляя одни и тѣ же требованія. Извѣстіе объ этомъ вызвало столь же единодушную стачку въ Одессѣ. Но здѣсь движеніе уже подпало подъ вліяніе интеллигентской политики. Первоначально стачка поднялась какъ настоящая рабочая стихія, и еслибы ей не пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ „друзей“, съ противодѣйствіемъ революціонеровъ и самихъ соціалистическихъ рабочихъ комитетовъ, — пожаръ разлился бы на всю Россію. Это не было движеніе, какъ въ буржуазной революціи, лишь нѣкоторыхъ, лучше поставленныхъ или воспитанныхъ соціалистами слоевъ рабочаго класса. Нѣтъ, это двинулась вся рабочая масса, всѣ, даже самые необразованные слои городского рабочаго населенія

Стихійность этого бунта проистекала именно изъ его чисто рабочаго, исключительно рабочаго характера, и поэтому, охвативъ всю Россію, онъ несомнѣнно привлекъ бы и голодные милліоны деревни.

Если бы этой стихіи удалось одновременно вызвать къ жизни и организацію съ тождественными, чисто рабочими, цѣлями, пожаръ сталъ бы началомъ рабочей революціи, онъ зажегъ бы ее и въ другихъ странахъ. Вѣдь эта рабочая стихія не знаетъ національныхъ границъ — она сопровождалась бы и въ другихъ странахъ возстаніями, а не тѣмъ полнымъ спокойствіемъ, какое встрѣтила *національная* буржуазная революція.

Но что случилось въ дѣйствительности? Это единодушное стремленіе къ рабочему бунту встрѣтило своего страшнѣйшаго врага: единодушный, издавна подготовляемый заговоръ всей интеллигенціи, всей образованной россійской буржуазіи. При видѣ растущаго экономическаго бунта рабочихъ интеллигенція вознегодовала. „Зловредный стачкизмъ“! „пагубное бунтарство“! кричали не только либералы, но и с.р—ры, и с.д—ты; кричали единодушно, какъ ни ссорились другъ съ другомъ въ мелочахъ. Стачкизмъ и бунтарство рабочихъ, пока не низвергнуто самодержавіе, доведутъ лишь Россію до ужаснаго безплоднаго кровопролитія, — такъ говорили всѣ революціонеры. Въ томъ и состоялъ заговоръ интеллигенціи, чтобы ни за что не допускать бунтовъ за рабочія, экономическія требованія, чтобы все возмущеніе, всю кровавую борьбу рабочихъ поскорѣй направить противъ самодержавія для завоеванія конституціи, т. е. господства образованной буржуазіи.

Въ рукахъ с.д въ оказалось наимудрѣйшее для интеллигенціи ученіе. Именно они первые завлекли рабочихъ въ интеллигентскую политику и оказали наибольшія услуги при передѣлкѣ рабочихъ экономическихъ возстаній въ буржуазную революцію. Въ моментъ забастовки, когда рабочія массы озабочены тѣмъ, какъ бы взбунтовать противъ буржуазіи побольше фабрикъ и заводовъ, чтобы заставить ее пойти на уступки, — въ такой моментъ соціалисты произносятъ зажигательныя рѣчи о томъ, какъ страдаютъ подъ царскимъ гнетомъ всѣ классы населенія и сколь прекрасна борьба всѣхъ классовъ за свободу „родины“. Рабочихъ выводятъ на политическую демонстрацію — тамъ, несомнѣнно, про-

изойдетъ столкновеніе съ полиціей и войсками, будутъ жертвы. Тогда соціалисты начинаютъ доказывать, что главный врагъ рабочихъ — самодержавіе, что они должны протестовать прежде всего противъ военныхъ расправъ и самодержавнаго режима, должны возставать прежде всего съ политическими, а не съ экономическими требованіями. Долгой и упорной политикой такого рода соціалисты добиваются, наконецъ, своего, и рабочіе по призыву комитетовъ начинаютъ устраивать по различнымъ поводамъ политическія стачки. Всей россійской буржуазіи ужасно нравится такая „пролетарская“ борьба. Даже нынѣшніе октябристы стоятъ за всеобщую стачку. Благодаря прекрасному воспитанію, которое дали рабочимъ соціалисты, всероссійская буржуазная стачка удается, и октябрьскій конституціонный манифестъ завоеванъ.

Теперь передъ нами стоитъ такой вопросъ. Однимъ ли соціалистамъ обязана образованная буржуазія своею удачею? Ей грозила всеобщая экономическая стачка, повсемѣстные экономическіе бунты. Кто спасъ буржуазію отъ этой бѣды? Какія средства имѣются въ рукахъ соціалистовъ для предохраненія буржуазіи отъ рабочей революціи? Хоть нынѣ у нихъ и есть боевики, умѣющіе расправляться съ хулиганскими элементами такъ же, какъ и царскій законъ, однако эта величина какъ совсѣмъ незначительная, не можетъ итти въ счетъ. Надо считать, что соціалисты въ спасеніи Россіи отъ всеобщаго экономическаго бунта дѣйствовали только *словомъ*. Итакъ, могли ли соціалисты *переубѣдить* всѣ эти массы, которыя рвались къ всеобщимъ экономическимъ забастовкамъ, или, будемъ говорить точнѣе, могли ли они *перехитрить* ихъ и *обмануть* всею своею научною политикой? Переубѣдить, перехитрить, обмануть соціалисты могли лишь извѣстный слой рабочаго класса, лишь лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Только такіе рабочіе могутъ вѣрить баснямъ, что въ конституціонныхъ странахъ „рабочая борьба свободна“, что тамъ разрѣшаются рабочимъ всякія стачки, что достаточно имѣть профессіональный союзъ и профессіональную кассу, чтобы пойти по пути рабочихъ завоеваній „семимильными шагами“. Но какъ внушить эти сказки бѣдствующимъ массамъ? Соціалисты, напримѣръ, ораторствуютъ, пишутъ, такъ краснорѣчиво убѣждаютъ бакинскихъ рабочихъ, а тѣ просто отворачиваются отъ ихъ краснобайства и, не дождавшись отъ нихъ своей, экономической забастовки, въ ярости жгутъ нефтяные промысла. Передъ такими массами соціалистическое краснобайство — безсильно.

Итакъ, кто же спасъ россійскую буржуазію отъ всеобщей экономической стачки? Этого спасителя буржуазіи недолго искать: русская государственная самодержавная власть имѣетъ привычку и силу всякій бунтъ затоплять въ крови. Но посмотрите, какъ соціалисты спѣшатъ замазать дѣло. На вопросъ — почему, вопреки первоначальному стремленію рабочихъ массъ, произошла не экономическая, а политическая всеобщая забастовка, — соціалисты отвѣчаютъ: жизнь принудила рабочихъ, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, признать, что всеобщая экономическая стачка—невозможна, невыполнима. Почему же вдругъ самые обыкновенные *штыки* и *пули* русскаго самодержца соціалисты стали окутывать такимъ туманнымъ и изящнымъ словомъ: *жизнь?* Вѣдь кричатъ же они въ другихъ случаяхъ: „царское преступленіе“!... — Да потому, что въ дѣлѣ предотвращенія всеобщей экономической стачки участвовали какъ царскіе штыки и пули, такъ и соціалисты; — они сообщники... Закрывая себя, соціалисты закрываютъ на этотъ разъ и россійскаго самодержца.

Соціалисты сообщники правительства! Возможно ли это? Тѣ самые соціалисты, которыхъ правительство всячески преслѣдуетъ? Да, сообщники! И это — вовсе не ново. Не даромъ же соціалистовъ во Франціи дѣлаютъ министрами. Не даромъ же въ Австріи с.-д-ію называютъ императорской! Во всѣхъ конституціонныхъ странахъ соціалистическія партіи являются лучшими хранителями государственнаго порядка и законности. Если случается экономическая забастовка, грозящая превратиться во всеобщую, какъ,напримѣръ, въ Испаніи въ 1902 г. — соціалисты громятъ стачечниковъ „словомъ“, а правительство штыками. Для соціалистовъ такъ же, какъ для всей буржуазіи, какъ и для всякаго правительства, какъ и для самодержавнаго россійскаго правительства, всеобщая *экономическая* забастовка рабочихъ *недопустима*. У нихъ она, какъ и у самодержцевъ, верховныхъ стражей вѣкового грабежа, подрываетъ основы государства, основы человѣческаго общества, грозитъ чуть не кончи-

ной міра, гибелью всего человѣчества. И такъ какъ въ Россіи соціалисты, сколько бы они не бахвалились своимъ могуществомъ, не въ состояніи были бы предотвратить и удержать такого бунта, то отсюда слѣдуетъ, что самодержавная власть до сихъ поръ не могла исчезнуть *также и* ради соціально-демократическихъ плановъ россійской интеллигенціи. Соціалистамъ не удалось бы собственными силами перевоспитать для буржуазной революціи русскія бунтующіяся массы, не удалось бы переделать всеобщихъ экономическихъ стачекъ въ политическія,—имъ для этого была необходима помощь царскихъ штыковъ и нагаекъ.

Когда шли экономическія бунты, соціалисты удерживали рабочихъ, призывали избѣгать „печальныхъ столкновеній", убѣждали, что „сама жизнь не допускаетъ" всеобщей экономической стачки. Рабочія массы не слушались ихъ. Тогда соціалисты посторонились и рѣшили выждать, пока рабочіе не воспримутъ уроковъ „жизни". Ждать пришлось не долго. Царскіе штыки усмирили рабочихъ, царскіе штыки подготовили почву для соціалистовъ и для ихъ буржуазной революціи. Но лишь только рабочіе, проученные „уроками жизни", какъ говорятъ на своемъ фарисейскомъ языкѣ соціалисты, ставятъ какое либо политическое требованіе, къ нимъ сразу со всѣхъ сторонъ тянется цѣлая масса умныхъ организаторовъ, агитаторовъ; къ ихъ услугамъ всѣ подпольныя типографіи; для стачечниковъ получаются деньги и отъ буржуазіи и отъ соціалистовъ другихъ странъ; „героевъ-рабочихъ" превозносятъ до небесъ. Обманъ законченъ. Но первымъ, необходимымъ условіемъ для его успѣшнаго проведенія было кровавое усмиреніе экономическихъ рабочихъ бунтовъ. Конечно, соціалистамъ было бы пріятнѣе имѣть болѣе приличнаго сообщника, чѣмъ азіатское самодержавіе, но что подѣлаешь? Немедленно облагородить свое отечественное правительство не удается, а предотвратить рабочіе бунты понадобилось безотлагательно.

Итакъ, соціалисты—сообщники правительства въ своемъ страхѣ, въ своей враждѣ къ всеобщему экономическому возстанію рабочихъ. Этого возстанія они не могутъ допустить, какъ защитники образованной буржуазіи; они не могутъ допустить расправы рабовъ ручного

труда со всѣмъ паразитнымъ образованнымъ міромъ бѣлоручекъ.

* * *

Вѣчное горе россійскаго соціалиста, какъ отчасти уже указано выше, состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ ужъ вѣрный, слишкомъ осмотрительный и скупой стражъ буржуазнаго общества, не желающій подвергнуть его даже минутной опасности и риску. Онъ видитъ передъ собой сто милліоновъ бѣдствующихъ, голодающихъ людей, которымъ, казалось бы, ничего другого не остается, какъ бунтовать. И онъ знаетъ, что стоитъ поставить передъ ними толковый планъ, указать, какъ добыть себѣ хлѣба, какъ захватить хоть часть господскихъ богатствъ, какъ обезпечить себя отъ голодной смерти,—и эти массы немедленно поднимутъ всероссійскій бунтъ. Но въ томъ то и дѣло, что никакая революціонная партія, ни соціалистическая, ни анархическая, этого не хотѣла и потому плана толковаго представить не думала. Русскій революціонеръ всегда ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какимъ образомъ эти массы, готовыя бунтовать за хлѣбъ и земныя богатства, вовлечь въ борьбу за идею, за политическую свободу, за первобытный сельскій коммунизмъ и т п. небесныя блага. И полъ вѣка онъ никакого успѣха не достигалъ.

Но счастье какъ будто, наконецъ, улыбнулось россійскимъ свободолюбцамъ, когда въ ихъ рядахъ распространился марксистскій научный соціализмъ. Около половины прошлаго десятилѣтія всю Россію облетѣла радостная вѣсть о томъ, что с-д-ты нашли, наконецъ, способъ вовлеченія массъ въ борьбу за интеллигентскую свободу и притомъ способъ необычайно дешевый. Лишь бы только развивалось крупное капиталистическое производство, и у свободолюбцевъ будутъ свои рабочіе полки. У крупныхъ предпринимателей, говорили первые с-д-ты, рабочіе уже теперь пользуются лучшими условіями жизни, нежели въ вѣчно голодной деревнѣ. Крупные капиталисты въ состояніи обезпечить рабочимъ лучшее существованіе и при этомъ никакихъ убытковъ не терпѣть: имъ стоитъ только расширить и улучшить производство, и они тогда будутъ получать еще большія прибыли. Отсюда слѣдуетъ, говорили дальше с-д-ты,

что среди всѣхъ народныхъ массъ капиталистическіе рабочіе будутъ первыми защитниками новыхъ европейскихъ порядковъ, первыми врагами старой деспотической Россіи. Если дѣло свободы связать съ развитіемъ капитализма, если интеллигенція поможетъ фабричнозаводскимъ рабочимъ улучшить условія труда безъ всякаго, какъ оказывается, ущерба для крупныхъ капиталистовъ, то такимъ путемъ, разсуждали с-д-ты,—и всеспасительный капитализмъ будетъ развиваться, и свободолюбцы прослывутъ защитниками пролетаріата. Рабочіе возлюбятъ тогда буржуазный прогрессъ, буржуазное парламентское государство и буржуазную политическую свободу.

И дѣйствительно, у с-д-овъ дѣло пошло, правда, медленно, но какъ будто вполнѣ успѣшно. За свою помощь экономической борьбѣ русская интеллигенція получаетъ наименованіе пролетарской и горячую любовь лучше поставленныхъ рабочихъ. Наступаетъ, правда, заминка, когда рабочія массы, какъ уже указано выше, начинаютъ подымать экономическія стачки, но это вызываетъ лишь непродолжительное уныніе. Разсчеты не только не обманули интеллигенцію, но вдругъ получили такое блестящее подтвержденіе, какого она и не ждала. Петербургскіе рабочіе во главѣ съ Гапономъ требуютъ конституціонныхъ свободъ и идутъ прямо на зимній дворецъ подъ штыки и пули. У свободолюбцевъ закружилась голова отъ чрезмѣрнаго счастья. Они совсѣмъ позабыли, что бросили самый ничтожный грошъ самой незначительной части порабощенныхъ, и размечтались вдругъ о томъ, что пойдутъ въ ихъ буржуазную революцію всѣ сто милліоновъ. Среди такихъ мечтаній интеллигенція не удовлетворилась и своей октябрьской побѣдой и рискнула поднять въ Москвѣ вооруженное возстаніе. Но тутъ она окончательно спохватилась.

Съ тѣми революціонными планами и силами, которые дѣйствительно, были въ распоряженіи интеллигенціи, она могла лишь *напугать* самодержавное правительство, но не *побѣдить* его. Правительство не испугалось и московскаго возстанія. Напротивъ, московское возстаніе побудило его развернуть всѣ свои силы, пойти, какъ говорится, до конца. Россійскій же революціонеръ, россійскій соціалистъ, какъ настоящій буржуа совсѣмъ не въ силахъ идти до конца. Самое крайнее его средство

— это *политическое* вооруженное возстаніе, въ которое идетъ, какъ оказалось, лишь нѣкоторая часть городского населенія. Но, чтобы побѣдить всю военную силу самодержавія, требуется поднять всю Россію, не только городъ, но и деревню. И вотъ тутъ предѣлъ интеллигентской революціи. Ибо голодные милліоны Россіи могли бы примкнуть только къ *экономическому* возстанію рабочихъ массъ, а такихъ возстаній россійскіе соціалисты боятся не меньше, чѣмъ самодержавное правительство.

Но почему правительство не испугалось революціи? Очень просто. Соціалисты наканунѣ революціи успокаивали и убѣждали не только богачей, но и царское правительство въ томъ, что предстоящая революція будетъ буржуазная, что рабочей революціи сами соціалисты не допустятъ. Марксисты еще съ давнихъ поръ на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ своихъ книгахъ и газетахъ расхваливали свои великолѣпные планы и соблазняли всѣхъ ученыхъ, всю буржуазію удивительной дешевизной и полнѣйшей безопасностью вовлеченія рабочихъ въ буржуазную революцію. О всѣхъ этихъ разсчетахъ, конечно, была освѣдомлена и бюрократія. Въ самомъ дѣлѣ, еще Зубатовъ посвятилъ Трепова во всѣ тайны соціаль-демократической хитрой механики. И когда вспыхнула революція, царское правительство не испугалось. Оно хорошо знало разсчеты свободолюбцевъ, а именно, что тѣ подкупаютъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь нѣсколько милліоновъ, а разсчитываютъ на всѣ милліоны русскихъ рабовъ, что, однимъ словомъ, тутъ дѣло дутое. И Треповы не испугались ни гапоновскаго нападенія, ни революціоннаго броненосца, ни всеобщей политической стачки. Когда же былъ обнародованъ конституціонный манифестъ, Треповы нашли возможнымъ пустить въ ходъ свой главный козырь, дать сигналъ къ всероссійскимъ погромамъ, показать революціонерамъ, что цѣлыя народныя массы совсѣмъ не на сторонѣ революціи, что октябрьскій манифестъ дарованъ либеральнымъ богачамъ, а не революціонной интеллигенціи. Революціонеры подняли московское возстаніе уже разочарованные, съ подрѣзанными крыльями, подавленные погромами. А тутъ еще случилась въ Питерѣ ноябрьская борьба за 8 часовой рабочій день, и вѣрнѣйшіе сторонники революціонеровъ, питерскіе рабочіе, разочаровались и въ свободѣ,

и въ свободолюбцахъ, не пожелавшихъ помочь имъ въ ихъ рабочей борьбѣ.

Послѣ того, какъ рабочіе полки свободолюбцевъ были разбиты карательными экспедиціями и разгромами, революціонеры мечтали еще поднять деревенскія массы своей аграрной программой. Но и этого правительство не испугалось. Оно знало, что революціонеры объединить голодныя массы деревни и ихъ бунты не въ состояніи. Вѣдь среди этихъ массъ столь много хулигановъ, которыхъ пуще огня боится интеллигенція.

Еще недавно, когда самодержавіе казалось побитымъ, соц.-дем. хвастали, что ни одна де революція не велась такъ сознательно, какъ россійская. Этимъ они хотѣли сказать, что у нихъ все было точно напередъ опредѣлено: революція будетъ буржуазная, рабочіе освободятъ только буржуазію, а своей революціи даже и не начнутъ; однимъ словомъ, борьба дойдетъ только до такого то пункта.... и не дальше Теперь, надо думать, этой „сознательностью революціи" они гордиться уже не станутъ, ибо благодаря той же сознательности не сплоховали и Треповы, понимавшіе также, что передъ ними буржуазная революція, буржуазная трусость и трескучія фразы, что они могутъ совершенно безбоязненно пустить въ ходъ всѣ адскія средства для усмиренія бунта, для истребленія бунтовщиковъ.

Россійская свободолюбивая интеллигенція во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, какъ либеральная и демократическая, такъ и соціалистическая, — давнымъ давно опредѣлилась, какъ часть образованнаго господскаго общества. Отъ своихъ господскихъ стремленій, отъ своихъ плановъ паразитной жизни она сама никогда не откажется, что бы ни случилось, какія бы неудачи она ни терпѣла, сколько бы ни отвергались порабощенными массами ея программы. Ея господское положеніе, ея господскія стремленія могутъ быть уничтожены, какъ и господство всего грабительскаго общества, лишь силой возставшаго рабочаго класса, лишь рабочей революціей.

Вотъ почему теперь, послѣ неудавшейся буржуазной революціи, интеллигенція и не думаетъ въ чемъ либо измѣнять цѣлей своей борьбы. Даже изъ соціалистическихъ партій ни одна не склонна усматривать причину торжества реакціи въ господскихъ стремле

ніяхъ самой революціонной интеллигенціи. Программы и цѣли освободительнаго движенія, буржуазной политической революціи должны остаться неприкосновенными, священными на вѣки вѣчные. Въ виду этого — кто же въ глазахъ освободителей виновникъ ихъ неудачъ и торжества реакціи? Ни въ коемъ случаѣ не освободительная интеллигенція, ни въ коемъ случаѣ не ея планы буржуазной политической революціи! Виновникомъ является... невѣжество россійскихъ порабощенныхъ массъ, которыя не въ состояніи оказались понять высокихъ цѣлей интеллигентской революціи. Вотъ гдѣ находятъ причину неудачи всѣ безъ исключенія освободители, начиная кадетами и кончая не только соц.-демократами, но и анархистами.

Понятно, что видя единственную причину своей неудачи въ непониманіи массами свободы, всѣ освободители считаютъ теперь единственнымъ лекарствомъ воспитаніе, просвѣщеніе и политическое развитіе этихъ массъ. И тутъ освободители мало по малу приобадриваются. Интеллигенція говорятъ они теперь, проникнетъ еще глубже въ народныя массы и будетъ помогать ихъ просвѣщенію и политическому воспитанію. Сама жизнь, прибавляютъ они, повседневныя нужды заставятъ и рабочій классъ и другіе слои населенія организоваться въ профессіональные союзы и товарищества, заставятъ народъ цѣнить политическую свободу и бороться за нее. Сама дума, хоть и куцая, тоже поможетъ политическому воспитанію народа. Соціалисты же прямо увѣряютъ всѣхъ освободителей, что несомнѣнно, раньше или позже наступитъ „революціонный подъемъ", что еще не разъ удастся продѣлать надъ рабочими массами такое надувательство, какимъ завоевана октябрьская конституція.

Мы уже знаемъ, однако, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ думаютъ освободители. Дѣло вовсе не въ томъ, что рабочія массы лишь *не понимаютъ* того, что понимаетъ интеллигенція. Наканунѣ революціи, въ періодъ экономическихъ стачекъ, революціонеры точно такъ же говорили, что рабочіе не понимаютъ, не уяснили себѣ политическихъ требованій. Но мы видѣли, что соціалисты, чтобы добиться своего, должы были не только разъяснять рабочимъ политическую свободу, но еще и дождаться, пока правительство подавитъ и усмиритъ тѣ

экономическiи стачки и бунты рабочихъ, которые соцiалистамъ такъ не нравятся. И такъ, рабочiя массы первоначально не просто *не понимаютъ* интеллигентскихъ программъ и цѣлей, но и *не хотятъ* ихъ совершенно. И точно такъ же, когда порабощенные миллiоны Россiи не выступили въ буржуазную революцiю за политическую свободу, то это значитъ, что они не только не понимаютъ, но и не хотятъ интеллигентской революцiи Слѣдовательно, если освободители надѣются, что порабощенныя массы когда то все таки пойдутъ за ними, если ихъ надежды осуществятся, — то это будетъ значить, что освободители *не умъ массъ прояснятъ, а ихъ волю сломятъ*. Освободительная интеллигенцiя — не апостолъ свободы, не освободитель, а поработитель рабочихъ массъ.

Въ теченiе всей истекшей буржуазной революцiи, вслѣдъ за каждымъ ея подъемомъ раздавался голосъ рабочихъ и голодныхъ массъ, отвергающiй всѣ интеллигентскiя программы, вспыхивала борьба этихъ массъ въ корнѣ противорѣчащая всѣмъ интеллигентскимъ разсчетамъ и планамъ буржуазной политической революцiи. Послѣ 9-го января, послѣ непродолжительной политической забастовки — по всей Россiи разливается экономическая борьба рабочихъ. Революцiонеры всѣ силы напрягаютъ, чтобы предотвратить всеобщую экономическую стачку; они соглашаются лишь, чтобы рабочiе бастовали „поочередно“, по профессiямъ. Въ моментъ новой побѣды, когда революцiонеры завладѣли броненосцемъ, голодныя массы Одессы сжигаютъ портъ и говорятъ, что имъ ничего другого не остается дѣлать, разъ революцiонеры оставляютъ неприкосновенными всѣ буржуазныя богатства.

Немедленно послѣ „окончательной побѣды“ въ октябрѣ петербургскiе рабочiе предпринимаютъ свою борьбу за 8-ми часовой рабочiй день. Соцiалистическiй совѣтъ рабочихъ депутатовъ и всѣ революцiонеры внезапно прiуныли. Они предоставили фабрикантамъ и правительству раздѣлаться съ петербургскими рабочими, бунтующими не по программѣ буржуазной революцiи. И только, когда эта экономическая борьба подавлена, они набираются храбрости — объявляютъ вооруженное возстанiе, но уже не въ крамольномъ для нихъ Питерѣ, а въ Москвѣ и, конечно, не за рабочихъ, а за нарушенiе конституцiи,

за обиды, нанесенныя правительствомъ газетнымъ и всякимъ другимъ болтунамъ.

Въ аграрныхъ безпорядкахъ, возникавшихъ нѣсколько разъ въ теченiе революцiи, большинство нападавшихъ на помѣщичьи усадьбы состояло изъ настоящей деревенской голытьбы. Эти голодные люди не земли хотѣли отъ помѣщиковъ, ибо даже и въ случаѣ уступки земля досталась бы не имъ, а хозяйственнымъ мужичкамъ, — они, какъ и городская голытьба, нападали на усадьбы, чтобы попользоваться помѣщичьимъ добромъ, утолить хоть на минуту свой голодъ или, наконецъ, въ случаѣ неудачи хоть сжечь это проклятое богатство. Та же голытьба громила при случаѣ не только помѣщичьи усадьбы, но и желѣзнодорожные вокзалы. Освободители, испугавшись, какъ бы эти „хулиганы“ не двинулись на священныя сокровища городовъ, значительно охладѣли къ аграрнымъ бунтамъ.

И такъ, порабощенные миллiоны постоянно заявляли революцiонерамъ, что они готовы подняться хоть бы сiю минуту на протяженiи всей Россiи, если только борьба пойдетъ не за пустую для нихъ свободу, а за хлѣбъ, за прекращенiе ихъ голодовокъ, за то, чтобы вырвать изъ рукъ господствующаго общества хоть частицу его несмѣтныхъ богатствъ.

Наконецъ и собственные ряды революцiонеровъ —боевики разныхъ партiй заразились неуваженiемъ къ буржуазной собственности: оружiемъ, полученнымъ для защиты свободы, они стали пользоваться для экспропрiацiй. Вскорѣ охватила Россiю настоящая экспропрiаторская эпидемiя, которая приводитъ въ отчаянiе освободителей. Въ самомъ дѣлѣ — ихъ негодованiе вполнѣ понятно: браунинги и бомбы, изготовлявшiеся и ввозившiеся ими для освободительной борьбы послужили для развитiя хулиганства.

Для буржуазiи и соцiалистовъ массовые экономическiе бунты рабочихъ, деревенскiе разгромы, экспропрiаторство въ городахъ — все это проявленiя некультурности, дикости и „хулиганства“ россiйскаго населенiя. Для водворенiя буржуазнаго режима, свободы эти явленiя должны во что бы то ни стало исчезнуть. Понятно, что это не можетъ случиться въ результатѣ однихъ интеллигентскихъ увѣщеванiй, поученiй, просвѣщенiя и воспитанiя. Всероссiйское хулиганство, если исчезнетъ, то

лишь въ результатѣ *усмиренія*. Поэтому *ради водворенія западноевропейскихъ порядковъ*, въ интересахъ самой образованной буржуазіи, самодержавіе не только не могло. но и не можетъ погибнуть впредь до усмиренія голодныхъ массъ. Въ самомъ дѣлѣ, пускай центральная власть хоть немного ослабнетъ, и экономическіе бунты рабочихъ, аграрные погромы, экспропріаторство зальютъ всю Россію. Но вѣдь это — конецъ всѣхъ буржуазныхъ и соціалистическихъ мечтаній о западноевропейскомъ режимѣ свободы.

И такъ, въ храмъ свободы конституціоннаго государства россійскія массы могутъ войти *только усмиренными*. Въ этомъ усмиреніи, въ этомъ обузданіи массъ принимаютъ участіе, какъ государственная власть, такъ и власть капиталистовъ и воспитательные курсы всякихъ свободолюбцевъ. Изъ этихъ послѣднихъ наибольшій успѣхъ имѣютъ соціалисты, ибо они обуздываютъ рабочія массы именемъ ихъ будущаго счастья, именемъ ихъ свободы въ соціалистическомъ государствѣ. Именно соціалисты подняли буржуазную революцію за освобожденіе кадетовъ и всей прочей образованной буржуазіи, за водвореніе настоящаго буржуазнаго счастья, и они же успѣшнѣе всѣхъ свободолюбцевъ обуздываютъ россійскую „чернь“

Для водворенія новой конституціонной тюрьмы требуется, чтобы рабочіе дѣйствовали такъ же, какъ и для подготовленія соціалистическаго рая: нужно, чтобы они выстроили повсюду профессіональные союзы, чтобы ограничили свою борьбу профессіональными стачками, происходящими подъ сѣнью закона. Но для этого необходимо вытравить окончательно въ „некультурныхъ“ слояхъ рабочаго населенія всякую мысль о массовыхъ экономическихъ стачкахъ, о возможности вырвать что нибудь у буржуазіи внезапнымъ бунтомъ. Такъ какъ къ проповѣди соціалистовъ присоединяются еще и царскія расправы, и локауты капиталистовъ, то *поэтому* соціалисты увѣрены, что обязательно, „по непреложнымъ историческимъ законамъ“ всѣ россійскіе рабочіе откажутся, наконецъ, отъ своихъ хулиганскихъ бунтовъ и экспропріацій, и станутъ вести такую же честную трудовую жизнь, какъ англійскіе тредъ-юніонисты.

Всѣ партіи свободолюбцевъ, и соціалистовъ въ особенности, предпринимаютъ „идейную“ борьбу противъ

экспропріаторства. Эта борьба сводится преимущественно къ тому, что ихъ ученыя, книжки и газеты называютъ голодныхъ людей, посягнувшихъ на кошелекъ богача, подонками общества, извергами человѣческаго рода. Послѣ подобнаго рода прокурорскихъ рѣчей г.г. освободителей, царскіе военные судьи съ полнымъ основаніемъ могутъ спросить себя, — не слишкомъ ли они мягки къ экспропріаторамъ. Экспропріаторовъ соціалисты считаютъ столь невыносимымъ элементомъ для свободнаго буржуазнаго, то бишь, соціалистическаго строя, что нѣкоторые изъ нихъ, должно быть считая военные суды недостаточно дѣятельными въ истребленіи этихъ выродковъ, сами составляютъ противъ нихъ дополнительные смертные приговоры. Въ Лодзи напр. и въ другихъ мѣстахъ Польши нынѣ чуть не ежедневно экспропріаторы падаютъ подъ пулями соціалистическихъ боевиковъ. Тутъ уже соціалистическое воспитаніе прямо дошло до выращиванія палачей. Дайте этимъ господамъ боевикамъ либеральную польскую автономію, и они съ радостью надѣнутъ мундиры тюремщиковъ и полицейскихъ.

Соціалисты черезчуръ ярко доказали, что ихъ „политическое воспитаніе некультурныхъ массъ“, развитіе въ этихъ массахъ „политическаго опыта“, ихъ „политическая организація народа“ есть обузданіе бунтующихъ голодныхъ милліоновъ, усмиреніе всероссійскаго хулиганства для „здороваго“ буржуазнаго прогресса въ „здоровой“ конституціонной тюрьмѣ. Все это требуется для спокойной буржуазной жизни по образцу европейской, но ужъ, конечно, не для освобожденія рабочихъ, не для низверженія ихъ вѣковой неволи, не для рабочей революціи.

Для рабочей революціи никакого перевоспитанія всероссійскаго „хулиганства“ не требуется. Напротивъ, для рабочей революціи нужно, чтобы тѣ чувства и стремленія голодныхъ массъ, которыя буржуазія и соціалисты называютъ хулиганскими, — охватили всѣ слои рабочаго населенія, чтобы эти чувства и стремленія были объединены въ единомъ требованіи. Необходимо, чтобы всѣхъ рабочихъ столь же невозможно было соблазнить политической свободой, какъ и хулигановъ. Необходимо, чтобы рабочіе требовали отъ образованной буржуазіи, какъ это дѣлаютъ хулиганы, не политическихъ правъ, не красивыхъ идей и воспитанія, не краснобайства, а самыхъ

настоящихъ денегъ, самыхъ грубыхъ матеріальныхъ благъ. Когда рабочіе извѣстной мѣстности охвачены такими „корыстными“ безъидейными чувствами, они объявляютъ буржуазіи всеобщую экономическую стачку и требуютъ повышенія заработной платы не потому, что они цѣлыми десятилѣтіями сберегали гроши для забастовки, не потому, что барыши хозяевъ находятся въ цвѣтущемъ состояніи, а въ силу того единственнаго, хулиганскаго основанія, что у буржуазіи всѣ заграбленныя богатства, а у рабочихъ лишь ихъ рабскій паекъ. Когда безработнымъ крупныхъ центровъ удастся слить свои хулиганскія чувства въ одно стремленіе, они потребуютъ отъ властей обезпеченія отъ голода, выдачи жалованья впредь до полученія заработка. Когда такимъ образомъ въ крупныхъ центрахъ будутъ устроены общественныя работы, голодные милліоны не только города, но и деревни потребуютъ того же.

Всеобщія экономическія стачки занятыхъ рабочихъ въ связи съ нападеніями безработныхъ и голодныхъ массъ на образованную буржуазію, на ея центральную и всѣ мѣстныя власти, принудятъ, наконецъ, интеллигенцію бросить свои операціи по части политическаго опутыванія и раскалыванія рабочихъ на всевозможныя буржуазныя партіи, принудятъ ее примѣнить свои знанія толково и непосредственно для обезпеченія жизни милліоновъ голодныхъ, для устройства общественныхъ работъ повсюду, гдѣ есть люди, остающіеся безъ заработка.

Такимъ образомъ, хулиганство уничтожитъ безработицу. Однако и тогда еще у рабочихъ массъ не исчезнутъ ихъ хулиганскія чувства. Онѣ не перестанутъ подымать своихъ всеобщихъ экономическихъ стачекъ и добиваться все высшей и высшей заработной платы, пока не доведутъ ее до той высоты, при которой всѣ буржуазные и привиллегированные доходы исчезнутъ и будутъ низведены до уровня вознагражденія ручного рабочаго. Тогда у всѣхъ людей окажутся одинаковыя средства для проведенія дѣтства и юности, для пріобрѣтенія знаній Тогда всѣ люди станутъ интеллигентными работниками. Такъ милліоны, обреченные нынѣ на невѣжество, сдѣлаютъ своимъ достояніемъ всю культуру, всю цивилизацію *путемъ всеобщаго экономическаго бунта* противъ паразитовъ-бѣлоручекъ.

ЧТО ТАКОЕ СОЦІАЛИЗМЪ И КОМУ ОНЪ НУЖЕНЪ?

Сколько разъ уже благородные господа освобождали рабовъ!...

Когда купцу, какому нибудь разбогатѣвшему скупщику кустарныхъ издѣлій крѣпостныхъ, стало приходить въ голову самому приняться за организацію широкаго производства этихъ издѣлій, вообще перейти отъ одной торговли къ предпринимательству, ...когда ему для этого понадобились рабочія руки, находившіяся пока въ личномъ распоряженіи дворянъ, — рабовъ освободили... для производительнаго употребленія ихъ всѣми, ктс бы ни оказался въ силахъ приняться за это полезное общественное дѣло...

Но море освобожденныхъ рабовъ, хоть и стало болѣе чуткимъ, податливымъ къ спросу,—оно, лишенное прежней связи съ господами, — слишкомъ темно и неустойчиво. Свобода заставляетъ ихъ лучше работать на баръ, но не лучшія чувства питать къ нимъ. Прежніе рабы чувствуютъ въ прежнихъ и новыхъ господахъ все тѣхъ же враговъ-пауковъ. И трудно и невозможно положиться на тихую поверхность этого темнаго моря. Никогда не знаешь какой ураганъ въ немъ таится, а между тѣмъ крупныя дѣла все болѣе нуждаются въ знаніи своей подпочвы, въ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. И вездѣ, чѣмъ сильнѣе ростутъ богатства, чѣмъ энергичнѣе развивается эксплуатація, — тѣмъ смѣлѣе и великодушнѣе господа продолжаютъ великое дѣло освобожденія. По прежнему прикованные къ тачкѣ, рабы не только имѣютъ право выбирать и мѣнять господт, но и организовываться въ союзы, если не для борьбы, то для того, чтобъ властямъ было видно, что дѣлается въ темномъ подводномъ царствѣ. Они становятся не только вольными людьми, но и гражданами, они выбираютъ своихъ представителей въ парламенты, черезъ нихъ

участвуютъ въ законодательствѣ, въ управленіи государствомъ... для того, чтобы ихъ бунты оказывались преступленіями не просто противъ кучки господъ, а противъ всего гражданскаго общества, оказывались нарушеніемъ счастья и благополучія самихъ нынѣ породнившихся съ крѣпостниками рабовъ ихъ...

Но и самопрявящіеся рабы все еще чувствуютъ себя въ неволѣ, на ихъ рукахъ все еще звенятъ цѣпи, приковывающія ихъ къ рабской тачкѣ, словно эти кандалы, какъ ногти, выростаютъ изъ собственнаго тѣла, какъ ни обрѣзай ихъ.

„Низкая оплата ручного труда, грозящая немедленной голодовкой при малѣйшемъ перерывѣ этого труда, не дающая и при непрерывной работѣ возможности жить жизнью господъ и воспитать дѣтей по господски, научить ихъ чему нибудь другому кромѣ рабской же работы... вотъ гдѣ кандалы мои!“ думаетъ современный рабъ и бунтуетъ, чтобъ ослабить, чтобъ разбить ихъ.....

„Долой хозяевъ-эксплуататоровъ! да здравствуетъ соціализмъ!“ слышитъ онъ въ это время надъ самимъ своимъ ухомъ изъ нѣкоторыхъ рядовъ самихъ господъ.

„Долой хозяевъ-эксплуататоровъ!?“ Вѣдь это, стало быть уже не только хлѣбъ окажется у голодныхъ, эксплуатируемыхъ массъ, а все, все, чѣмъ живутъ пока одни господа!?... Вотъ ужъ, наконецъ, дождались онѣ среди бѣлоручекъ такихъ людей, у которыхъ съ ними общія цѣли, которые поведутъ ихъ, какъ передовой авангардъ, къ настоящему, непризрачному освобожденію!...

Да только вотъ что странно:

Чуть не сто лѣтъ развѣвается красное соціалистическое знамя надъ рабочимъ движеніемъ по всей Европѣ, а толку все также мало. Подъ этимъ знаменемъ рабочія массы *ни разу не организовались для прямой борьбы* за облегченіе *голода, за его уничтоженіе!* Соціализмъ развивается, его проповѣдники проникаютъ всюду, въ университеты, въ аристократическія гостинныя, въ парламенты, чуть не въ царскія палаты и церкви, а въ полицейскіе участки и подавно — въ Швейцаріи давно уже есть соціалистическіе полицмейстера, — (въ Румыніи — соціалистическіе сыщики...) А рабочіе все также подъ гнетомъ голода несутъ все бремя чернаго труда. Цари и капиталисты все охотнѣе допускаютъ

устройство среди рабочихъ соціалистическихъ организацій, митинговъ, школъ... и тутъ же разстрѣливаютъ рабочихъ за малѣйшую попытку нарушить правильный ходъ ихъ эксплуатаціи. И разстрѣливаютъ забастовщиковъ безъ всякой помѣхи со стороны тѣхъ соціалистовъ, которые пробрались къ самой власти въ качествѣ рабочихъ депутатовъ, министровъ... Мало по малу эти „разрушители всѣхъ основъ эксплуататорскаго строя“, какъ они любятъ себя величать передъ рабочими (передъ властью они поютъ другое, „не разрушать, а созидать, лечить ваше разрушающееся общество“ пришли мы), мало по малу эти революціонеры, такъ яростно на митингахъ нападающіе на либераловъ, кадетовъ, только и дѣлаютъ, что проводятъ въ своихъ „рабочихъ“ программахъ пустыя, голыя, голодныя кадетскія свободы, толкуя только, что все это,—конечно—ложь, это лишь счастье буржуазіи, но это неизбѣжная, необходимая ступень къ рабочему уже счастью, къ соціализму...

Но это похоже на то, какъ если бы овцамъ сказали: кормите своими боками волковъ всѣхъ до единаго, кормите получше, до отвалу, съ этого начнется ваше спасеніе, ибо отъ сытой жизни волки скорѣй изживутъ положенный имъ предѣлъ...

Наконецъ, даже наиболѣе отчаянные изъ этихъ разрушителей, нападающіе, какъ на измѣнниковъ настоящему соціализму, на этихъ миролюбивыхъ постепеновцевъ, даже разные максималисты н анархисты, готовые завоевывать свои соціализмы хоть сейчасъ и самымъ насильственнымъ путемъ, революціонеры, идущіе на смерть, чтобъ поднять массы за разные идеалы, всѣ они, подобно либераламъ и эсдекамъ, не любятъ и чуждаются чисто рабочей борьбы съ эксплуатаціей, поскольку ее нельзя использовать для другихъ цѣлей, на всѣхъ ихъ, какъ холодная вода, дѣйствуютъ голодные бунты...

Тутъ революціонеру какъ-то нечего дѣлать. Стоитъ ли проливать свою кровь, да учинять такой безпорядокъ изъ за какихъ нибудь грошей? Въ нихъ ли дѣло? Въ этихъ ли эгоистическихъ рабочихъ требованіяхъ путь къ великой соціалистической цѣли?

Но почему же борьба за хлѣбъ, за прямое облегченіе эксплуатаціи рабочихъ всѣми господами не путь къ полному обѣщаемому соціализмомъ освобожденію ихъ даже въ такой мѣрѣ, какъ демократизація, т. е. какъ

облегченіе всѣмъ господамъ возможности устраиваться на общей рабочей шеѣ?

Какое же это „долой эксплуататоровъ“, коли путь къ нему лежитъ не въ прямой борьбѣ съ эксплуатаціей, а гдѣ-то подальше отъ этой борьбы, подальше отъ вопроса о снимаемой каждый день въ пользу сытыхъ съ пролетаріата шкуры, отъ вопроса о каждый день реально закрѣпляемомъ рабствѣ, реально закрѣпляемой грани между жизнью раба и жизнью господина?

А что если уничтоженіе этой грани, уничтоженіе вѣчной рабочей неволи и соціализмъ — вещи вообще разныя? Что если соціализмъ для эксплуатируемыхъ массъ такое же чужое пустое дѣло, какъ и всѣ старыя „освобожденія“ ихъ, какъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, политическія освобожденія?...

* * *

Что же такое соціализмъ? Чего хотятъ? На что нападаютъ соціалисты?

Весь корень зла — говорятъ они — *въ частной собственности* на средства *производства*, въ томъ, что *орудія труда*, всѣ земли, фабрики, заводы принадлежатъ *отдѣльнымъ лицамъ*...

Но освободители когда-то увѣряли, что весь корень зла въ томъ, что сами рабы принадлежали *отдѣльнымъ* владѣльцамъ?!...

Если оставить въ сторонѣ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и ремесленниковъ, такихъ, которые никого не нанимаютъ и никому не нанимаются, и которые все равно скоро станутъ пролетаріями, если оставить ихъ въ сторонѣ, говоритъ соціалистъ, — то все современное общество представится распадающимся на кучку собственниковъ-помѣщиковъ и фабрикантовъ, снимающихъ сливки чужого труда и пролетаріевъ, живущихъ продажей имъ своего труда... Въ этомъ все зло. И если бы порядокъ жизни измѣнить такъ, чтобъ земли и фабрики принадлежали не этимъ *отдѣльнымъ* тузамъ, а всему обществу, чтобъ никакихъ „хозяевъ“ не было, — тогда наступила бы счастливая трудовая республика. Никто не могъ бы жить чужимъ трудомъ, всѣмъ было бы хорошо, ибо былъ бы вырванъ самый корень зла—частная собственность на орудія труда, дающая однимъ возможность безъ труда получать плоды чужихъ трудовъ. Зачѣмъ же тратить революціонную энергію въ большихъ порціяхъ на такія мелочи, какъ борьба за грошъ, за копейку на рубль, за часъ?.. Вѣдь это все мелкая борьба „на почвѣ современнаго строя, а не противъ него!“... Сколько ни урывай у хозяина прибыли, — онъ хозяиномъ все таки остается, ибо хозяйскихъ правъ его этимъ и не задѣваешь... такъ только листики зла ощипываешь, надо рубить самый корень. Вотъ когда паразита-хозяина вовсе не будетъ, — тогда только, за то ужъ сразу и окончательно, эксплуатація исчезнетъ, ибо кто же тогда будетъ эксплуатировать и какимъ образомъ?

Рабочимъ, которые изо дня въ день работаютъ на своихъ хозяевъ, не видя солнечнаго свѣта, было бы, конечно, очень пріятно, чтобъ ихъ паразиты исчезли, а съ ними и вся эксплуатація, вся неволя съ хомутомъ тяжелаго, притупляющаго труда и бичемъ голода... Но какъ бы съ паденіемъ частной собственности капиталисты не спрятали только свои отдѣльныя головушки въ общее туловище господскаго общества, какъ бы они, унеся туда свою мошну, слагающуюся именно изъ этихъ грошей, изъ этихъ лишнихъ часовъ работы, какъ бы они не стали лишь болѣе дружно и невидимыми хоботами душить рабочихъ! Вѣдь помѣщикъ же не сталъ хуже жить и не потерялъ своей силы надъ рабами, хоть и пересталъ считаться ихъ собственникомъ. Онъ только отказался отъ особой привиллегіи первому сосать своихъ мужиковъ, отказался отъ привиллегіи, которая его самого уже стала стѣснять. Онъ только посторонился и впустилъ въ замкнутый дворянскій кругъ новыхъ, втихомолку выросшихъ пауковъ и далъ имъ развернуть свои новые способы эксплуатаціи къ общей выгодѣ всѣхъ господъ...

Присмотримся же поближе къ соціалистической сказкѣ.

Если оставить въ сторонѣ мелкаго собствнника (оставимъ его и мы),—то все современное общество по этой сказкѣ кромѣ кучки собственниковъ представляетъ изъ себя единое стадо пролетаріевъ-наемниковъ капитала, одинаково обиженныхъ имъ, одинаково въ потѣ лица добывающихъ хлѣбъ свой, только кто руками, а кто головой...

Да! трудятся всѣ и землекопы, молотобойцы, ткачи и

инженеры, учителя, бухгалтеры... Да только одинъ выполняетъ черный трудъ рабовъ-производителей, а другіе несутъ господское бремя командировъ—организаторовъ этого черного труда, дѣлаютъ лишь то, что искони дѣлали всякіе господа, что еще и теперь порой исполняютъ сами самые богатые капиталисты и помѣщики.

Правда и то, что интеллигенты, какъ и ручные рабочіе,—чтобъ жить, должны „продавать свой трудъ", „наниматься" кому нибудь изъ хозяевъ или всему обществу—государству. Но рабочій продаетъ свои голыя руки, свою силу, которою его, какъ и любую скотину, надѣлила мать-природа, продаетъ свой потъ и кровь. А интеллигентъ несетъ на рынокъ свои знанія, которыя онъ, какъ и хозяинъ свою фабрику, съ рабочихъ же содралъ, ибо пока онъ учился по университетамъ, да разъѣзжалъ „для практики" по заграницамъ,—они бѣгали на фабрики, вырабатывая средства для его обученья на „пользу человѣчества"... Онъ продаетъ капиталистамъ свое умѣнье выжимать получше кровь и потъ рабочихъ. Продаетъ дипломъ, который выдубилъ изъ ихъ шкуры...

Говорятъ, интеллигентъ живетъ не на процентъ, а заработной платой... Но это ложь. Заработная плата рабочаго получается изъ стоимости его собственнаго труда, составляетъ лишь часть стоимости этого труда, а „заработная плата" интеллигента — часть хозяйской прибыли, часть продукта труда рабочихъ же. Кромѣ простой оплаты затрачиваемой имъ энергіи, бѣлоручка получаетъ возмѣщеніе стоимости капитала, затраченнаго имъ (имъ или кое-кѣмъ другимъ?) на свое образованіе, т. е. по просту проценты, какъ и любой капиталистъ-собственникъ.

Больше ли онъ работаетъ отъ того, что имѣлъ возможность раньше вмѣсто работы учиться за чужими спинами? А между тѣмъ рабочій на свою заработную плату можетъ только что просуществовать, да изъ ребятишекъ своихъ такую же рабочую скотину поставить на рынокъ труда, а интеллигентъ живетъ по барски и дѣтей своихъ въ господа выводитъ. Какъ хозяинъ свою собственность, такъ онъ свою привиллегію легкаго, чистаго и прибыльнаго труда передаетъ по наслѣдству...

Значитъ, кромѣ кучки собственниковъ орудій труда есть еще какіе-то паразиты? И все больше ихъ съ ка-

ждымъ годомъ, съ каждымъ шагомъ цивилизаціи!.. Вотъ тутъ рядомъ съ хозяиномъ стоитъ инженеръ съ десяткомъ помощниковъ, а въ сторонѣ еще цѣлая свора служащихъ на общественной службѣ и въ разныхъ вольныхъ профессіяхъ, а соціалистъ не догадается и заикнуться о томъ, какимъ же путемъ они, не имѣя никакихъ правъ на земли и заводы, никакой „собственности", какъ они добываютъ себѣ рабочую кровь? — Это де люди все невинные, живущіе своимъ трудомъ!

Умолчавъ же объ этомъ, соціалистъ тѣмъ самымъ оставляетъ въ тѣни, въ покоѣ и лучшую долю тѣхъ прибылей, которыя попадаютъ самому хозяину даже послѣ дѣлежки его съ наемной интеллигенціей. Вѣдь и хозяинъ прежде всего интеллигентъ-организаторъ, не только собственникъ. Вѣдь хозяинъ то въ одинъ карманъ лѣвой рукою беретъ процентъ за самый капиталъ, а въ другой — правой рукой кладетъ награду за свои „безпокойства" и „труды"; не только за „рискъ", но и за „выдумку", за главное управленіе, словомъ за свой тяжелый, претяжелый организаторскій трудъ. На эту долю соціалисты не думаютъ посягать. Напротивъ, на тысячи ладовъ они твердятъ о своемъ уваженіи къ этому карману хозяина. Еще бы? Этотъ карманъ, этотъ источникъ доходовъ въ видѣ вознагражденія организаторовъ, имѣется у всякаго интеллигента.

Итакъ, въ правомъ карманѣ хозяина лежитъ бумага, указывающая, что онъ, какъ организаторъ дѣла, беретъ въ свои руки всю прибыль и дѣлится ею со своими помощниками. Тутъ же лежатъ и денежки — организаторское вознагражденіе и хозяина и всей ученой братіи, нужной въ современномъ производствѣ. А въ лѣвомъ карманѣ другая бумажка, говорящая: „когда же будешь дѣлиться,—то возьми себѣ еще добавочную сумму, какъ процентъ на свой капиталъ. И тутъ же эта сумма.

И вотъ когда соціалистъ кричитъ: „долой частную собственность", то это только значитъ: „порвать ту бумажку, что въ лѣвомъ карманѣ хозяина, которая даетъ ему особыя льготы передъ другими эксплуататорами и перевести денежки изъ этого кармана въ правый, въ общую сумммy національнаго дохода... Ни больше! Въ этомъ весь соціализмъ!

Хозяинъ, какъ и нѣкогда крѣпостникъ-помѣщикъ, остается не безъ средствъ къ благополучному продол-

женію своего рода, не безъ власти надъ неимущими, а интеллигенціи—прямой барышъ!

Между тѣмъ простое развитіе такъ называемой грубо-экономической борьбы, которую рабочія массы стихійно и непрерывно пытаются поднять сами, наперекоръ ученымъ вожакамъ, развитіе этой борьбы на всѣ *жизненныя производства*, на всю страну, на весь культурный міръ, поднятіе грубо-экономическихъ требованій —вмѣстѣ съ расширеніемъ движенія—вплоть до полученія рабочими полной стоимости продуктовъ своего труда,—это и есть нападеніе рабочихъ на всю сумму національной прибыли, это и есть уничтоженіе возможности кому бы то ни было жить путемъ эксплуатаціи чужого труда.

Но соціалистъ не даромъ не хочетъ организовать это *прямое нападеніе на прибыль.* Вѣдь онъ и не думаетъ уменьшать ее! Онъ, какъ интеллигентъ, хочетъ обузданіемъ капиталиста достигнуть лишь *болѣе равномѣрнаго распредѣленія прибыли среди командующаго общества.* Онъ говоритъ лишь о болѣе раціональныхъ способахъ добыванія и пріумноженія національныхъ доходовъ. Соціализмъ — не бунтъ рабовъ противъ обирающаго ихъ общества, а жалобы и планы обижаемаго, но уже чувствующаго подъ собою почву, младшаго хищника-интеллигента, дерущагося съ хозяиномъ изъ-за доли въ рабочей крови.

Вотъ послушаемъ подробнѣе *какъ* и *за что* нападаетъ соціалистъ на хозяина-капиталиста. Послушаемъ его собственныя разсужденія.

Хозяева *перестали* теперь *организовать* трудъ своихъ рабочихъ, перестали сами руководить, командовать, они передаютъ это дѣло другимъ, наемной интеллигенціи, а сами живутъ по курортамъ, да купоны обрѣзаютъ, — говоритъ соціалистъ. *Поэтому* они *стали теперь* паразитами. До тѣхъ же поръ, значитъ, пока они могли сами собственнымъ хоботомъ добывать прибыль, до тѣхъ поръ, капиталисты паразитами не были, по соціалистическому ученію! Они выполняли „общественно полезную роль“. Также точно до нихъ въ старину крѣпостники-дворяне были нужны и полезны (кому, спрашивается). Они де первые организовали большія хозяйства. (Для чьей пользы? Чьими руками?) Они де защищали поселянъ отъ сосѣднихъ дворянъ (т. е. какъ разъ такъ, какъ волкъ защищаетъ отъ сосѣдняго волка пойманную имъ овечку)... Пока дворянинъ былъ самымъ активнымъ, почти единственнымъ эксплуататоромъ, — онъ паразитомъ не былъ. Паразитомъ онъ становится лишь тогда, когда рядомъ съ нимъ выростаетъ капиталистъ, который получше его дѣла заводитъ, который, нуждаясь въ безопасныхъ для его каравановъ дорогахъ, порядкахъ, — принимается вмѣстѣ съ царями и королями за организацію большихъ, прочныхъ государствъ, а затѣмъ внутри ихъ переходитъ къ непосредственной организаціи труда рабовъ по гораздо болѣе выгоднымъ способамъ. Паразитомъ дворянинъ становится *оттого*, что не онъ де теперь главный командиръ на дѣлѣ, не онъ организаторъ, а между тѣмъ его старыя привиллегіи — обладаніе рабами и пр. — мѣшаютъ новымъ господамъ развернуть свои способности, развить свои способы для общей же пользы всего благороднаго общества.

Такъ думаютъ и учатъ всѣ господа соціалисты, хотя особенно подробно на этомъ останавливались соціалисты научные, соціал-демократы.

Для чего же имъ нужно было оправдывать и капиталиста и даже крѣпостника, поскольку тѣ заводили и развивали общественный порядокъ эксплуатаціи?

Да для того, чтобы оставить неприкосновеннымъ въ рукахъ всего руководящаго общества накопляемое имъ вѣками этого „прогресса“ добро; для того, чтобы издалека подготовить оправданіе и узаконеніе взиманію всѣхъ барышей, всего „національнаго дохода“, „общественной прибыли“ тою ученою братіей, которая собирается стать на мѣсто старыхъ эксплуататоровъ, которую соціалистъ всегда оставляетъ въ тѣни, когда перечисляетъ теперешнихъ эксплуататоровъ, тыкая пальцемъ на однихъ землевладѣльцевъ да фабрикантовъ.

Вѣдь ежели всякій эксплуататоръ *только тогда* паразитъ, т. е. получаетъ свои доходы даромъ, не по праву, когда онъ уже *перестаетъ самъ организовать эксплуатацію*, если теперь капиталисты только потому осуждаются соціалистомъ, какъ ненужные и вредные члены „общества“, что не они уже руководятъ производствомъ,—то стало быть, *тѣ, кто дѣлаетъ это вмѣсто нихъ*, тѣ не паразиты, хотя бы и загребали золотыя горы? Стало быть они по соціалистическому праву должны стать на мѣсто хозяевъ, и если вся хозяйская

прибыль очутится прямо въ ихъ рукахъ, — то никакого паразитства въ обществѣ тѣмъ не менѣе не будетъ. Все въ обществѣ опять станетъ нормальнымъ, естественнымъ. Вѣдь въ немъ не будетъ людей, которые бы жили и получали барыши, не принимая въ производствѣ никакой роли, хотя бы вѣчная суть рабства—раздѣленіе общества на организаторовъ-эксплуататоровъ и исполнителей-полуголодныхъ рабовъ осталось.

Такъ вѣдь? Этого коренного антагонизма между рабами и организаторами рабства, между чернымъ и бѣлымъ трудомъ (ибо и первобытный наѣздникъ тоже вѣдь „трудился", добывая себѣ пропитаніе мечомъ), между выжимателями чернаго труда и выжимаемыми производителями, между вѣчно сытыми и вѣчно голодающими. Этого соціалистъ никогда въ серьезъ не замѣчалъ ни вокругъ себя, ни въ прошломъ: онъ видитъ лишь антагонизмъ между старыми и новыми господами. Оттого де онъ исторію грабежей называетъ такими приличными именами, какъ исторія развитія производительныхъ силъ человѣчества, общечеловѣческаго прогресса, оттого онъ столько надеждъ возлагаетъ на этотъ „естественный", „закономѣрный" процессъ... Еще бы! Господамъ всегда было такъ хорошо, на каждой „ступени развитія производительныхъ силъ" они такъ выгадывали отъ каждаго шага „прогресса", что вполнѣ „естественно", коли они на тотъ или иной манеръ (діалектическій или какой нибудь другой), но всегда находятъ исторію „закономѣрной".

* * *

Далѣе, нѣтъ и не было никогда ни одной соціалистической школы, которая бы болѣе или менѣе краснорѣчиво не пыталась убѣждать *капиталистовъ*, что *отъ соціализма де они ничего не потеряютъ* въ общемъ, какъ нѣкогда освободители убѣждали въ томъ же крѣпостниковъ.

(Понятно, это дѣлается не въ брошюркахъ и прокламаціяхъ, разбрасываемыхъ „для народа" — тамъ лишь одно: „долой капитализмъ", — а въ толстыхъ, ученыхъ сочиненіяхъ, которыхъ „народъ" не читаетъ, но писанныхъ тою же рукой.)

Если де ему, капиталисту, и придется отказаться отъ званія хозяина, то вѣдь онъ можетъ остаться уполномоченнымъ отъ общества управляющимъ, благо онъ къ этому дѣлу привыкъ. При немъ, стало быть, остается вся та кругленькая доля прибыли, которую онъ оставлялъ себѣ изъ праваго своего кармана. А если онъ давно уже самъ не занимался дѣлами и жилъ на одинъ процентъ, на тѣ денежки, что откладывались въ лѣвомъ его карманѣ, то и на этотъ случай всѣ Энгельсы и Каутскіе успокаиваютъ старичковъ, обѣщая имъ пожизненный выплатъ ихъ процентовъ, ну а на эту государственную, общественную ренту поколѣніе хозяина опять выправится, научится полезному и высокоцѣнному труду управленія... Правда, въ будущемъ нѣкоторые отдѣльные теперешніе хозяева лишаются исключительныхъ, монопольныхъ барышей, за то общая національная прибыль вырастетъ отъ общаго распорядка. Одинъ тузъ не будетъ наживаться на счетъ гибели, банкротства другого, за то каждый будетъ получать свою долю доходовъ безъ риска...

Но вѣдь коли волчье стадо ничего не потеряетъ, то что же выгадаютъ овцы?.. Если сами соціалисты увѣряютъ, что нынѣшніе капиталисты въ общемъ не прогадаютъ, то что же это можетъ дать рабочимъ въ отвѣтъ на требованіе уничтоженія голода и рабства, т. е. эксплуатаціи, т. е. всѣхъ выгодъ капиталистовъ и прочихъ паразитовъ?

Разумѣется, ничего, ибо прогрессъ эксплуатаціи и ея уничтоженіе—вещи не совсѣмъ одинаковыя.

Это, конечно, не безъизвѣстно соціалисту, но его ли это дѣло?

Тотъ же, напр., Каутскій, къ которому теперь обращается за справками и объясненіями, какъ къ самому первому изъ живыхъ столповъ соціализма, большая часть соціалистовъ всего міра, который учитъ своихъ младшихъ соратниковъ такъ ловко составлять для рабочихъ прокламаціи на тему „долой капитализмъ", тотъ же самый Каутскій въ своей книжкѣ „На другой день послѣ соціальной революціи" совершенно спокойно заявляетъ, что на этотъ другой день заработная плата рабочихъ будетъ, пожалуй, выше сегодняшней—такъ де возрастутъ общественные расходы (попросту говоря оплата всѣхъ паразитовъ, которые тогда всѣ будутъ общественными служащими, а не собственниками, какъ

теперь). Вотъ какъ! Пожалуй, не больше сегодняшняго!

Если не всѣ соціалисты до этого договаривались такъ запросто и откровенно, то кто же ихъ за языкъ-то тянетъ? Во всякомъ случаѣ, — никто изъ соціалистовъ этимъ словамъ своего апостола не удивился, никто изъ за нихъ къ нему не придрался, какъ ни ссорятся между собой различныя церкви соціализма—эсдеки, эсэры, анархисты.—А главное, если не всѣ соціалисты договаривались до того, что молъ соціализмъ — соціализмомъ, а эксплуатація — эксплуатаціей, то всѣ они стоятъ на этой дорогѣ, ибо всѣ толкуютъ, что борьба рабочаго за повышеніе платы—ерунда, что весь корень зла частная собственность на средства производства, а между тѣмъ всѣ они сами прекрасно понимаютъ, что переходъ частной собственности въ общественную самъ по себѣ вопроса о господской сладкой жизни и рабскомъ пайкѣ ничуть не касается.

Стоитъ лишь оглянуться вокругъ себя — впрямь ли только на частновладѣльческихъ заводахъ обдираютъ рабочихъ? Ну, а на казенныхъ? На казенныхъ рудникахъ, на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ? А вѣдь тамъ никакихъ отдѣльныхъ, *частныхъ* хозяевъ нѣтъ, не видать! Что же, если бы на всѣхъ фабрикахъ и помѣстьяхъ хозяева такъ же точно попрятали бы свои отдѣльныя головы въ общебарское, общегосударственное дѣло, тогда уже наступила бы трудовая, соціальная, соціалистическая республика съ всеобщимъ счастьемъ?

То казенная, а то общественная собственность,—презрительно смѣется соціалистъ, теперь де на казенныхъ заводахъ — чиновники, царскіе ставленники, а тамъ общественные служащіе; теперь хозяинъ — самодержавіе, а тамъ само общество, республика.

Но во всякомъ случаѣ на казенныхъ государственныхъ предпріятіяхъ мы уже *воочію* видимъ, что отсутствіе частной собственности на средства производства вопроса о хлѣбѣ, о рабствѣ не рѣшаетъ.

Не очень выясняется дѣло и отъ названія — „общественное производство". Пусть они припомнятъ, рабочелюбивые соціалисты, какъ тонко раскусили они „соціализацію", когда ею хотѣли обойти и ее самое, демократическую интеллигенцію! Вѣдь были же такіе случаи въ Европѣ, когда крупные магнаты сами подумывали о томъ, что не хорошо, молъ, вѣчно конкуррировать

другъ съ другомъ, что неудобно производить въ темную, на неизвѣстный рынокъ, въ секретѣ другъ отъ друга, рисковать поэтому и банкротствами и взрывами рабовъ отъ слишкомъ неожиданныхъ кризисовъ. Хорошо бы спѣться, соединить свои капиталы воедино, да завести общественное хозяйство по одному плану, а доходы бы дѣлить въ видѣ жалованья за участіе въ организаціи общественнаго хозяйства. И устойчивѣе дѣло было бы, и справедливѣе доходы распредѣлялись бы (промежду господъ, конечно). Чѣмъ не соціализмъ?

Правда, крупныя хозяйства, какъ огромные броненосцы, мало страдаютъ отъ качки неустойчиваго частно-владѣльческаго производства; правда, крупные магнаты къ своей соціализаціи на дѣлѣ подходятъ очень осторожно, объединяясь пока въ тресты—но были разговоры и о полномъ отказѣ отъ права личнаго распоряженія, о полномъ обобществленіи съ обѣщаніемъ, понятно, всеобщаго счастья!

Караулъ! закричала демократическая интеллигенція. Надувательство, это соціализмъ государственный. Онъ укрѣпитъ, объединивъ воедино, эту свору магнатовъ, лишь укрѣпитъ современное государство, являющееся и безъ того выразителемъ ихъ общественныхъ интересовъ...

Что же дѣлать? Какъ застраховать соціализмъ, чтобы онъ государственнымъ не былъ? Чтобы обобществленіе средствъ производства оказалось не укрѣпленіемъ и безъ того властныхъ, а освобожденіемъ закабаленныхъ ими? Чтобы передача фабрикъ, земель, дорогъ и заводовъ въ руки всего общества, означала дѣйствительно разъ на всегда для всякаго члена этого общества ***полный, равный доступъ къ благамъ*** жизни, къ ***продуктамъ*** этихъ орудій общественнаго труда...

Для этого надо завоевать раньше политическую власть, добыть всевозможныя свободы (и, конечно, свободу умирать съ голоду), надо ***завоевать демократію***, республику и затѣмъ развить ихъ до конца... говорятъ соціалисты эс-деки, эс-эры... Чтобы капитализмъ развилъ всѣ свои противорѣчія - поясняютъ эс-деки, хотя эс-эры предпочитаютъ обходиться безъ объясненій...

Это значитъ, пояснимъ мы больше, чтобы полная свобода конкурренціи всѣхъ капиталовъ и знаній, всѣхъ средствъ эксплуатаціи довела теперешнихъ капитали-

стовъ до полнѣйшей невозможности повернуться безъ интеллигента, до необходимости цѣлыя массы этихъ эксплуататоровъ вызвать изъ подполья, изъ ожидательской передней на сцену, посадить съ собой рядомъ за столъ.

Вѣдь, чѣмъ меньше въ обществѣ привиллегій, чѣмъ свободнѣе конкурренція всѣхъ людей предпріимчивыхъ, со средствами, чѣмъ демократичнѣе общество, — тѣмъ серьезнѣе и научнѣе должны вести свои дѣла капиталисты:—вмѣсто царской привиллегіи-подачки надо побить сосѣда лучшей машиной, лучшей постановкой дѣла, стало быть, — больше надо нанимать ученыхъ помощниковъ, дѣлая ихъ участниками барышей...

И плодятся инженеры, бухгалтеры, техники... При машинѣ нельзя поставить прежняго дикаря — онъ ихъ поломаетъ, надо, чтобы рабочіе были грамотными и выдрессированными...

И плодятся учителя, писатели—эти спеціальные дрессировщики.

А разъ въ болѣе просвѣщенныхъ и широко поставленныхъ хозяйствахъ нужна организація и болѣе просвѣщеннаго, дѣльнаго правительства, то тѣмъ больше открывается тепленькихъ мѣстечекъ и за казеннымъ столомъ, на общественной службѣ; не только въ центрѣ, въ парламентѣ, а и на мѣстахъ, въ провинціи. Вѣдь самодержавіе — это что? -- Налетѣлъ сборщикъ, сбрилъ подати нагайкой, да и былъ таковъ. Эта манера подстать первобытному, самодержавному кулацкому капитализму. Разумная демократическая власть развитаго буржуазнаго общества впереди сборщика пошлетъ двухъ, трехъ ученыхъ людишекъ, которые бы позаботились о хорошемъ постоянномъ урожаѣ податей для себя и прибылей для частныхъ хозяевъ.

Демократическое государство означаетъ: ученый на мѣсто полиціи, вѣрнѣе ***рядомъ*** съ полиціей...

И плодятся общественные дѣятели — депутаты, политики, земцы, агрономы, статистики, корреспонденты, газетные писаки, адвокаты...

Вотъ почему болѣе самихъ хозяевъ жаждетъ дальнѣйшаго буржуазнаго прогресса вообще и особенно въ оправѣ разныхъ демократизацій такъ называемая демократическая интеллигенція. Вотъ почему она толкуетъ бунтующимъ массамъ, что ихъ освобожденіе не въ экономической борьбѣ, не въ нападеніи на мошну своихъ хозяевъ, а въ борьбѣ политической, т. е. въ борьбѣ за такіе порядки, при которыхъ эта мошна будетъ и лучше рости и — главное — легче раскрываться для ученой братіи. Вотъ почему она демократизацію общества, т. е. проникновеніе ея самой — интеллигенціи во всѣ поры буржуазнаго государства, считаетъ необходимой подготовкой соціализма, достаточной гарантіей, что обобществленіе будетъ уже входомъ въ настоящій рай, а не въ новую, болѣе крѣпкую тюрьму. Еще бы! Передача всѣхъ средствъ производства въ руки уже засѣвшей у общественнаго руля интеллигенціи — для нея будетъ настоящимъ раемъ.

Считая соціализмъ дѣйствительнымъ, настоящимъ лишь на основѣ предварительной демократизаціи современнаго общества, интеллигентъ, очевидно, прекрасно понимаетъ, что выгадывать отъ новыхъ распорядковъ, отъ новой разстановки стульевъ за столомъ и блюдъ на столѣ въ какомъ нибудь ресторанѣ могутъ только тѣ, кто имѣетъ дѣйствительную возможность въ этомъ ресторанѣ обѣдать, а не тѣ, кто все равно будетъ стоять пока за окномъ да облизываться, поставляя туда провизію своимъ горбомъ.

Но разъ демократія даетъ эти входные билеты въ ресторанъ жизненнаго пира, призываетъ къ организаторской роли въ производствѣ и къ прямому дѣлежу добычи въ видѣ прибыли — только интеллигенцію, оставляя рабочую массу прикованной тѣмъ же голодомъ къ той же вѣчной каторжной тачкѣ, — то стало быть обобществленіе средствъ производства и при демократіи для людей ручного труда не обѣщаетъ ничего, кромѣ укрѣпленія организованной власти надъ ними, укрѣпленія государства. Въ Швейцаріи вотъ обобществленіе желѣзныхъ дорогъ произошло на почвѣ самой демократической демократіи — лучше ли чувствуютъ себя тамъ желѣзнодорожные рабочіе? Они, вѣдь, уже въ раю? А плата та же (по обѣщанію Каутскаго), а трудъ тотъ же, а государственная власть по старому держитъ на готовѣ милиціонное ружье на случай недовольства рабочихъ и остановки райской жизни.

* * *

Это все про эсдековъ и про эсеровъ — думаетъ анархистъ. Это укрѣпленіе государственной центральной

власти мы предвидѣли, мы обошли этотъ подводный камень: у насъ въ программѣ такъ и значится: захватъ фабрикъ и заводовъ для организаціи не одного огромнаго хозяйства, въ которомъ всегда будутъ центральные распорядители — правители, а маленькихъ, свободныхъ коммунъ, и захватъ насильственный безъ выкупа правъ собственности.

Но эта болтовня о разрушеніи государства, т. е. организаціи эксплуатаціи путемъ распаденія его на маленькія коммунки не годится и для дѣтей, ибо не думаетъ же анархистъ, что его маленькая коммунка сможетъ удовлетворить сама всѣ свои нужды? Для организаціи экономическихъ, а съ ними и прочихъ отношеній между коммунками понадобится не мало ученыхъ спеціальныхъ силъ. Во вторыхъ, самый насильственный захватъ фабрикъ оказывается лишь насильственной экспропріаціей, разрушеніемъ власти предпринимателей, ихъ лѣваго кармана, а не всѣхъ господъ. И въ чью пользу пойдетъ хозяйская доля — по прежнему такъ же темно и подозрительно.

Ни земли, ни фабрикъ, ни заводовъ ѣсть нельзя. На другой же день послѣ ихъ захвата подъ угрозой всеобщаго кризиса, подъ угрозой банкротства новаго общества, — придется пустить ихъ въ ходъ. Подъ угрозой этого же общества *каждый будетъ вынужденъ приняться за трудъ, къ которому онъ до сихъ поръ „приспособленъ“*. Молотобоецъ возьмется за свой молотъ, инженеръ за свои планы и циркули, экономистъ за свои бумаги, понадобится и огромный хозяйственный опытъ бывшаго хозяина. Однимъ словомъ — бѣлоручка за командованіе, рабочій за ручной трудъ раба...

Это знаютъ сами анархисты. Ихъ Кропоткины и Гравы такъ же спокойно пишутъ объ этомъ, какъ и Каутскіе о заработной платѣ на другой день послѣ соціалистической революціи.

Такъ какъ анархисты вслѣдъ за другими соціалистами увѣряютъ рабочихъ, что *суть* ихъ рабства не въ самомъ рабскомъ пайкѣ, что путь къ ихъ освобожденію не въ грошевой борьбѣ, не въ повышеніи заработной платы, а въ разныхъ обобществленіяхъ, захватахъ — не ежедневнаго продукта труда, а лишь орудій его, — то такимъ путемъ они дѣйствительно ввели бы современныхъ рабочихъ въ самые свои коммунистическіе строи все въ

тѣхъ же цѣпяхъ голодной платы, приговаривающей къ исключительно черному труду. Какъ ни верти, какія формы ни придавай этому будущему, а рабъ просыпается въ немъ по прежнему рабомъ, человѣчество остается все такъ же раздѣленнымъ на привиллегированныхъ бѣлоручекъ и рабовъ, хотя всѣ считаются уже не только одинаково людьми, какъ послѣ паденія крѣпостной зависимости, не только равноправными гражданами, какъ въ демократіяхъ, но и равными владѣльцами общественныхъ средствъ производства.

Для чего же было огородъ городить? Рай опять оказывается лишь „переходной ступенью“. Чтобъ разбить свои старыя цѣпи — рабамъ придется опять подымать свой старый вопросъ о такой оплатѣ своего чернаго труда, которая дала бы имъ возможность жить, какъ живутъ интеллигенты, и дѣтей своихъ обучать всему, чему обучаютъ своихъ дѣтей всѣ привиллегированные члены общества, чтобъ хоть ихъ вывести изъ рабства.

Но развѣ тогда у привиллегированнаго и счастливаго въ своей сытой командирской роли общества не найдется пулеметовъ и новыхъ какихъ нибудь проповѣдей, отговорокъ, что сейчасъ молъ нельзя, надо де еще развить производительныя силы, да и не въ хлѣбѣ совсѣмъ дѣло, не въ богатствѣ счастье, не въ борьбѣ за низкій грошъ спасеніе?... Или можетъ быть тогда ужъ всѣ сытые будутъ не расправлять свои когти, а обрѣзывать ихъ сами?

Когда то христіанскіе проповѣдники успокаивали рабовъ, что вотъ съ дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства, съ его побѣдой все будетъ по иному: настанетъ царствіе божье... Христіанство росло, въ христіанъ обращались всѣ его гонители, христіанами — братьями рабовъ во Христѣ стали и первые богачи и императоры, но кармановъ своихъ не выворотили, коронъ своихъ не сняли... Братья воХристѣ продолжаютъ душить своихъ братьевъ оставшеюся неприкосновенной въ ихъ рукахъ силою богатствъ. Шедшіе на костры за идею братства всѣхъ людей проповѣдники учили, что не въ богатствѣ сила, что не надо завидовать сокровищамъ на землѣ и скрыли эту силу отъ взоровъ рабовъ и укрѣпили рабство.

Этимъ попамъ перестали вѣрить. На смѣну появляются новые — соціалисты. И все такъ же учатъ, что не въ борьбѣ за хлѣбъ, за повышеніе заработка, за *об-*

легченіе доли рабовъ немедленно, сегодня же, сейчасъ, не въ этомъ великая задача рабочаго движенія, а въ борьбѣ за такое *общество въ будущемъ*, гдѣ бы всѣ уже были братьями, всѣ были бы счастливы... Правда, это счастье обѣщается уже не въ загробномъ мірѣ, а на землѣ, но все таки не сегодня, не *при жизни* самихъ борющихся нынѣ голодныхъ людей, не при жизни ихъ блѣдныхъ отъ недоѣданія дѣтей, даже не при жизни еще не существующихъ внуковъ и правнуковъ... Чѣмъ жа это пе загробный міръ?

* * *

Современное капиталистическое общество кишитъ непристроенной еще интеллигенціей, да и пристроившись, она еще сильно обижена своимъ часто зависимымъ отъ капиталистовъ положеніемъ. Чувствуя обиды, интеллигентъ выходитъ изъ себя и, идя въ среду вѣчно готовыхъ къ бунту рабовъ ручного труда, старается поднять революцію... въ моменты задержекъ буржуазнаго прогресса. Но страдая не такъ и не отъ того, отъ чего и какъ страдаетъ рабочій, онъ подсовываетъ ему лишь такіе планы борьбы, отъ которыхъ сейчасъ же исцѣляются его собственныя интеллигентскія страданія, но которые ничего не даютъ идущему за ними „товарищу" рабочему, а лишь обѣщаютъ хорошее будущее. Интеллигентъ всегда, неизбѣжно первымъ дѣломъ откладываетъ въ сторону, на послѣ, на „будущее" тѣ требованія, которыя только и толкнули въ движеніе рабочихъ.

Какъ могутъ бороться за общее будущее, за будущее всего общества люди, которые теперь въ этомъ обществѣ, какъ волки и овцы, живутъ одни на счетъ другихъ? О задачахъ прекраснаго будущаго человѣчества всегда говоритъ тотъ, кто хочетъ замазать существующій антагонизмъ въ рядахъ этого человѣчества, кто хочетъ сегодня же обдѣлать кое какія дѣлишки, пользуясь этимъ антагонизмомъ.

Вся неволя рабовъ въ тѣхъ богатствахъ, которыя у нихъ отнимаются *сегодня*, каждый день, сегодня во время получки. Соціалистъ же учитъ отвернуться, какъ отъ мелочи, отъ того, что происходитъ каждый день съ рабочими, чтобъ уставить ихъ глаза въ будущее, въ задачи „человѣчества". Потому что, если пролетаріатъ борется за „предварительныя ступени" къ будущему „человѣчества", то — оказывается, — онъ борется лишь

за реальное удовлетвореніе сегодняшнихъ нуждъ интеллигенціи. Во вторыхъ, если пролетаріатъ только пропускаетъ мелочи сегодняшняго своего дня ради этого „будущаго", то этимъ доставляетъ выгоду тому же міру бѣлоручекъ. Изъ этихъ мелочей, изъ этихъ неудовлетворенныхъ потребностей рабочей массы сейчасъ, сегодня же для міра бѣлоручекъ остается лишняя доля богатствъ.

Дважды выгадываетъ интеллигентъ. Завоеваніе „ступеней" даетъ ему сегодня же право на большую долю національнаго дохода. Отвлеченіе массъ отъ борьбы за хлѣбъ во имя „ступеней" непосредственно увеличиваетъ, сберегаетъ всю эту національную прибыль.

Лучшій бичъ, покоряющій раба господину — голодъ безработнаго, а бѣлоручка учитъ, что на современной ступени общечеловѣческаго хозяйства, это бичъ не сплетенный руками господъ, а естественный, неизбѣжный, что вырвать его нельзя, что вырывать его безумно, даже преступно, — неровенъ часъ подорвешь общечеловѣческія дѣла, а съ ними и свое будущее освобожденіе... По соціалистическому ученію хлѣбъ для всѣхъ возможно испечь лишь только въ какомъ нибудь будущемъ строѣ, да и то не сразу, вволю (не выше заработка сегодняшняго занятаго раба, какъ думаетъ Каутскій) Теперешнее же общество такихъ печей завести никакъ не можетъ. Въ теперешнемъ обществѣ трудъ де слишкомъ мало производителенъ. Теперешнее общество имущихъ, разъединенное взаимной конкурренціей, найтись какъ накормить всѣхъ еще не въ состояніи. Не то что не хочетъ потому, что само отъ голода не страдаетъ, что насчетъ этого голода производителей лишь сильнѣе жирѣетъ и развивается, а *не можетъ*.

Это говоритъ „врагъ", „разрушитель" современнаго строя?! Услужливый врагъ! Чтобъ рѣшиться сказать это умирающимъ съ голоду средп несмѣтныхъ богатствъ, чтобъ не обнаружить сразу всей своей хищной природы эксплуататора, — для этого нужно хорошо обработать соціалистическій идеалъ, эту овечью шкуру...

* * *

Между тѣмъ, не смотря на милліоны брошюръ о разныхъ планахъ общечеловѣческаго будущаго, проповѣдуемыхъ цѣлое столѣтіе въ назиданіе европейскимъ рабочимъ, не смотря на всѣ старанія сотенъ тысячъ этихъ новыхъ поповъ, — простой вопросъ о хлѣбѣ сейчасъ,

о заработной платѣ, вопросъ, составляющій корень зла, понятно, не интеллигентской, а рабочей жизни, всплываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Всплываетъ и подымаетъ часто такія массы, какихъ никогда не числится въ социалистической вѣрѣ всѣхъ толковъ. Всплываетъ и путаетъ интеллигентскую тактику, заставляя присяжныхъ революціонеровъ все тоньше ткать свою паутину, все заново раздѣлывать свои социалистическіе идеалы, пока рабочій не скажетъ вполнѣ сознательно: „прочь со своими баснями, волкъ въ овечьей шкурѣ!“ Тогда голодные милліоны выдвинутъ изъ своей среды дѣйствительно рабочихъ революціонеровъ, которые уже не станутъ въ награду за унтеръ-офицерскія нашивки морочить массы баснями, да дрессировать въ разныхъ профессіональныхъ школахъ для все болѣе сложной капиталистической упряжки, — а съумѣютъ просто связать во едино и формулировать требованія самихъ этихъ милліоновъ. Тогда рабочихъ волненій нельзя будетъ остановить. Если буржуазныя и самодержавныя правительства тушили ихъ до сихъ поръ, то лишь потому, именно потому, что на гребнѣ ихъ всегда всплывала предательская интеллигентская политика. Видя же на своемъ знамени опредѣленное выраженіе толкнувшихъ ее въ бой чувствъ и интересовъ, а не пустые чужіе идеалы, встрѣтивъ въ вожакахъ организаторовъ и распространителей борьбы, а не дрессировщиковъ, безчисленные милліоны подымутся, какъ одинъ человѣкъ, и до конца будутъ отстаивать свои требованія всѣми средствами.

Поймутъ тогда нынѣшніе «сознательные» рабочіе, что въ стихійномъ *стремленіи всякій бунтъ* безработныхъ, всякое столкновеніе хозяина съ рабочимъ, сытаго съ голоднымъ *развить во всеобщее нападеніе на грабительскую организацію* бѣлоручекъ съ требованіемъ немедленно раскошелиться, — въ этомъ стремленіи и заключается *вся особая „политика“ пролетаріата*, вся его антигосударственная борьба.

Только вырывая у организаціи сытыхъ *дѣйствительный хлѣбъ*, дѣйствительное улучшеніе своей жизни,—пролетаріатъ *„оказываетъ давленіе“* на государственную машину“.

Только эта *борьба за немедленное уничтоженіе голода подыметъ и объединитъ милліоны рабовъ всѣхъ странъ и всѣхъ ступеней развитія производства.*

ПОДГОТОВЛЕНІЕ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ ИЛИ ЛЕГАЛЬНЫЕ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

Современное грабительское общество по ученію социалистовъ — не только рабство рабочихъ, но и подготовленіе рабочей свободы, будущаго социалистическаго рая: капиталистическая эксплуатація несетъ въ себѣ социалистическое равенство, капиталистическое порабощеніе — социалистическую свободу. Мы не должны поэтому удивляться, когда напр. о легальныхъ и прежде всего профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, находимъ у социалистовъ одновременно два прямо противоположныхъ мнѣнія. Вѣдь у нихъ всегда, когда рѣчь заходитъ о современной рабочей неволѣ,—горе и страданія суть въ то же время добро и радость, черное въ то же время и бѣлое, ложь въ то же время и правда. Такая двойная бухгалтерія неизбѣжно слѣдуетъ изъ ихъ ученія.

Когда социалистамъ приходится спорить съ защитниками такого напр. реакціоннаго правительства, какъ русское, они усерднѣйшимъ образомъ напоминаютъ и доказываютъ, что во всей Западной Европѣ профессіональные союзы представляютъ собой залогъ буржуазнаго прогресса, залогъ спокойствія, могущества и прочности буржуазнаго государства. Когда о тѣхъ же профессіональныхъ союзахъ они ораторствуютъ передъ рабочими, они увѣряютъ ихъ, что молъ трудящіяся массы въ профессіональныхъ союзахъ закладываютъ фундаментъ будущаго социалистическаго строя. Вспомнимъ, что на языкѣ социалистовъ „закладывать фундаментъ будущаго строя“ значитъ низвергать рабочую неволю, но придавать прочность буржуазному государству значитъ вѣдь укрѣплять эту неволю. Такимъ образомъ социалисты, какъ настоящіе шарлатаны, съ одинаково милой улыбкой оборачиваются то въ сторону буржуазнаго правительства, то въ сторону рабочихъ: правителямъ они доказываютъ, что профессіональные союзы укрѣпляютъ рабочую неволю, рабочихъ увѣряютъ, что профессіональные союзы разрушаютъ ее.

Кого же дурачатъ соціалисты? Ни въ коемъ случаѣ не буржуазію, ибо западноевропейскія государства, дождавшись распространенія профессіональныхъ союзовъ въ большинствѣ отраслей производства, дѣйствительно обезпечили грабительскому міру спокойствіе. А вотъ съ соціалистическимъ фундаментомъ дѣло обстоитъ все хуже и хуже. Чѣмъ дальше рабочіе закладываютъ этотъ фундаментъ, чѣмъ больше соціалисты его восхваляютъ, тѣмъ выше въ облака уносится все соціалистическое зданіе.

Посмотримъ поближе, почему всѣ разсужденія о соціалистическомъ фундаментѣ, — выстраиваемомъ профессіональными и всѣми прочими легальными рабочими союзами — одна сплошная ложь.

Для своего освобожденія, для упраздненія класса капиталистовъ, говорятъ соціалисты, рабочіе должны взять все производство въ свои руки. Но вдругъ и немедленно этого сдѣлать нельзя, рабочіе должны раньше основательно подготовиться. Въ профессіональныхъ союзахъ рабочіе, по мнѣнію соціалистовъ, знакомятся со всѣми подробностями своей отрасли производства и все болѣе становятся способными вести ее самостоятельно, дѣлая частныхъ предпринимателей совершенно излишними. Многіе изъ соціалистовъ (анархисты, соц-дем-ты бернштейніанцы) увѣряютъ, что для подготовленія рабочихъ къ соціалистической жизни особенно полезны всякаго рода производительные и потребительные кооперативы, развивающіе молъ солидарность рабочихъ и пріучающіе ихъ къ веденію общаго хозяйства. Соц-дем-ты прибавляютъ еще, что рабочіе должны научиться управлять государствомъ, и что въ своихъ политическихъ союзахъ, во время избирательныхъ кампаній, въ своихъ парламентскихъ фракціяхъ, на разныхъ выборныхъ должностяхъ въ городскихъ думахъ и сельскихъ общинахъ, — рабочіе постепенно захватываютъ у буржуазіи власть и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ всѣ необходимыя для управленія государствомъ знанія. Но всѣ соціалисты безъ различія направленій согласны въ одномъ—необходимо учреждать всевозможныя образовательныя общества, народные университеты для того молъ, чтобы рабочіе поскорѣй достигли тѣхъ знаній, которыми обладаетъ образованная буржуазія. Вотъ какъ всѣми соціалистами выстраивается грозный фундаментъ грознаго соціалистическаго строя.

Забавляйтесь, забавляйтесь, мои милыя дѣти! мечтать мы никому не возбраняемъ, — такъ отвѣчаетъ каждое изъ

западноевропейскихъ правительствъ на всѣ эти соціалистическіе планы низверженія буржуазнаго режима, и предоставляетъ соціалистамъ полнѣйшую свободу болтовни.

Рабочимъ надо разрушить свою вѣковую тюрьму, а соціалистическіе усыпители совѣтуютъ имъ возвышать свой нравственный уровень, развивать свой умъ и сердце. Рабочимъ надо захватить богатства всего міра, а соціалисты совѣтуютъ имъ урывать гроши изъ своего рабскаго голоднаго пайка, чтобъ на эти гроши въ профессіональныхъ и кооперативныхъ обществахъ выстраивать будущій рай! За похищеніе малѣйшей доли своихъ богатствъ буржуазія караетъ каторгой и висѣлицей, а соціалистическіе фарисеи обѣщаютъ преодолѣть эти звѣрскіе законы своимъ краснобайствомъ въ газетахъ, своимъ ораторствомъ на митингахъ, конгрессахъ и парламентскихъ трибунахъ!

Никогда и нигдѣ на земномъ шарѣ люди не освобождались отъ своихъ враговъ такимъ путемъ, какой указываютъ рабочимъ соціалисты. Довольно сопоставить ихъ работу съ тѣми революціями, въ которыхъ дѣйствительно освобождались новые классы, и мы увидимъ, что работа соціалистовъ—это работа гасителей революціи, что они не подготовляютъ, а обуздываютъ рабочую революцію. Довольно сопоставить участіе россійскихъ соціалистовъ въ интеллигентскихъ бунтахъ съ одной стороны и ихъ отношеніе къ рабочимъ бунтамъ съ другой, чтобы убѣдиться, сколь чужда, сколь ненавистна имъ рабочая революція.

Въ своей собственной, буржуазной революціи соціалисты понимали, что врага необходимо застигнуть врасплохъ, они умѣли пренебречь правительственными запретами и уйти въ подполье, они прославляли тайный заговоръ для низверженія самодержавія. Въ чужой для нихъ рабочей революціи соціалисты проклинаютъ заговоръ, запрещаютъ подпольную дѣятельность, требуютъ отъ рабочихъ дѣлать всякій, даже малѣйшій шагъ въ своей борьбѣ обязательно на глазахъ враговъ, на глазахъ буржуазіи, полиціи, правительства. Въ своей революціи они рады всякому кровопролитію, и чѣмъ оно ужаснѣе, тѣмъ лучше; въ рабочей борьбѣ они запрещаютъ всякое насиліе, увѣщеваютъ бороться мирно, не проливать ни одной капли крови. Въ интеллигентскихъ бунтахъ они суютъ въ руки каждому револьверъ и бомбу; въ рабочихъ бунтахъ они выбиваютъ изъ рукъ рабочихъ даже камни, за которые тѣ, безоружные, хватаются. Послѣ подавленія политическихъ бунтовъ соціалисты призываютъ

къ мести весь міръ; по подавленіи рабочихъ бунтовъ — призываютъ къ спокойствію и смиренію. Политическія убійства и терроръ соціалисты превозносятъ до небесъ, экономическія — проклинаютъ. Убійца интеллигентскаго обидчика-бюрократа — это святой мученикъ, безсмертный герой-мститель. Убійца рабочаго угнетателя, капиталиста или бѣлоручки-инженера — это извергъ, злодѣй, достойный немедленной смерти и вѣчнаго позорнаго клейма.

А какъ же сами соціалисты, въ своей собственной буржуазной революціи называли всегда тѣхъ, кто предавалъ анаѳемѣ ихъ крамолу и мятежи, убійства и терроръ противъ угнетателей, тѣхъ, кто берегъ каждую каплю вражеской крови? Соціалисты называли ихъ черносотенцами, врагами, измѣнниками. Пускай же соціалисты не удивляются, когда бунтующіеся рабочіе сорвутъ съ нихъ, наконецъ, маску и объявятъ ихъ черносотенцами, врагами, измѣнниками рабочей революціи.

Всѣ соціалистическія ученія о грядущемъ коммунизмѣ и необходимости подготовляться къ нему имѣютъ своей первой задачей отвлечь рабочихъ отъ непосредственной борьбы и унести ихъ въ облака мечтаній. Соц-дем-ты скажутъ, пожалуй, что это вѣрно относительно утопистовъ, но что ученіе Маркса-Энгельса, научный соціализмъ исходитъ во всякомъ случаѣ изъ фактовъ и цифръ. Между тѣмъ, именно научный соціализмъ съ его цифрами и фактами сочинилъ о наступленіи соціалистическаго рая самую нелѣпую сказку. Крупные капиталисты въ конкурренціи безпрерывно побиваютъ мелкихъ и такимъ образомъ скоро весь классъ капиталистовъ превратится въ незначительную горсть милліонеровъ, а все остальное буржуазное общество — въ пролетаріевъ-поденщиковъ. Подъ звуки такой ханжеской пѣсенки архиученыхъ соціалистовъ выростаютъ каждый день тысячи новыхъ буржуа-бѣлоручекъ и располагаются въ безчисленныхъ дворцахъ большихъ городовъ, гдѣ живутъ съ большей роскошью, чѣмъ „гибнущіе“ въ конкурренціи мелкіе собственники. Надъ этой сказкой своихъ первоучителей хохочутъ теперь даже самые вѣрные ученики Маркса, хохочутъ, конечно, втихомолку, ибо на людяхъ такое непочтительное отношеніе къ безгрѣшному учителю, какъ извѣстно, запрещено.

Ясно, что ученая выдумка имѣетъ единственной цѣлью удержать рабочихъ отъ бунтовъ до своего рода „второго пришествія“, до того времени, пока вся буржуазія не превратится въ „незначительную горсть“ милліонеровъ. И соц-дем-ты, безъ всякаго смущенія, вслѣдъ за своими первоучителями повторяли и повторяютъ рабочимъ: подождите — „капиталисты сами роютъ себѣ могилу“, „самъ ходъ капиталистическаго развитія подготовляетъ освобожденіе пролетаріата“. И все это „независимо отъ воли людей“. Должно быть у соц-дем-товъ, взамѣнъ старыхъ, народились новые соціалистическіе добрые боги, которые своею властью небесной принизятъ всѣхъ сильныхъ и возвеличатъ слабыхъ.

Соціалистическая наука, какъ и всякая общественная наука, хотя она якобы непримиримый врагъ поповскаго мракобѣсія, умѣетъ продѣлывать съ рабочими массами тѣ же фокусы, что и языческіе жрецы, и христіанскіе попы. Въ соціалистическихъ партіяхъ, на митингахъ, съѣздахъ, первомайскихъ праздникахъ, — рабочіе молятся такъ же, какъ и въ церквяхъ о будущемъ счастьи, которому предназначено сбыться лишь въ жизни ихъ далекихъ потомковъ. Не созрѣлъ еще плодъ! не созрѣли производительныя силы! не пробилъ еще часъ соціалистической революціи! подождите! безъ устали восклицаютъ соціалистическіе попы, и такимъ образомъ все возмущеніе противъ рабства, все негодованіе противъ міра насилія и лжи рождаетъ уже у соціалистическихъ рабочихъ не дѣйствія, не борьбу, а лишь *вѣру* въ будущій строй справедливости.

Новую соціалистическую религію надо распространить для спасенія міра. Но отъ ея распространенія міръ не спасенъ, порабощенные не освобождаются, — за то старый грабительскій строй становится все крѣпче, молодѣетъ и пріобрѣтаетъ долговѣчность. Ибо ростъ соціалистической вѣры или, какъ говорятъ соціалисты, соціалистическаго сознанія вовсе не увеличиваетъ силы бунта рабочихъ и ихъ стремленія къ низверженію вѣкового рабства. Напротивъ, онъ означаетъ лишь большую любовь къ *существующему* строю. И не можетъ быть иначе. Въ чемъ состоитъ соціалистическая вѣра? Существующій буржуазный строй подготовляетъ будущій строй полной справедливости и равенства. Какъ же не цѣнить, какъ не любить этотъ существующій грабительскій строй, какъ не способствовать всѣми силами его развитію и прогрессу, чтобъ онъ скорѣе

превратился, какъ ему предназначено, въ социалистическій рай. Такъ именно и поступаютъ повсюду социалисты и рабочіе съ социалистическимъ вѣроисповѣданіемъ. Они больше самой буржуазіи обожаютъ величіе буржуазнаго „отечества“. Они лучшіе борцы за буржуазный прогрессъ. Они то подняли революцію для буржуазнаго оздоровленія россійской имперіи, и безкорыстно завоевали конституцію и думу для октябристовъ и кадетовъ. Вотъ почему социализмъ такъ свободно распространяется по всѣмъ странамъ—для буржуазнаго благоденствія онъ такъ же необходимъ, какъ христіанство въ былые вѣка.

Эту роль научной религіи наилучшимъ образомъ выполняетъ для буржуазіи ученіе Маркса и Энгельса, *научный социализмъ*, тотъ самый, что такъ побѣдоносно разбилъ ученія первыхъ социалистовъ-утопистовъ, желавшихъ якобы довести рабочихъ до преждевременнаго нападенія на буржуазію, тотъ самый, что такимъ „яркимъ свѣтомъ озарилъ“ молъ побѣдоносное шествіе пролетаріата къ собственному освобожденію.

Реакціонные писатели часто упрекаютъ марксистовъ, что они проповѣдуютъ рабочимъ борьбу съ буржуазіей, всеобщую гражданскую войну. На это ученые марксисты возражаютъ, что писатели эти Маркса не понимаютъ. Марксово ученіе проповѣдуетъ классовую борьбу лишь противъ горсти плутократовъ, но къ буржуазному обществу, къ его прогрессу,—питаетъ самую нѣжную любовь. Это вовсе не анархическое, вовсе не бунтарское ученіе, а самое религіозное, самое идеалистическое.

Въ данномъ случаѣ марксисты говорятъ правду. Въ самомъ дѣлѣ чему учитъ философія Маркса, такъ называемое *матеріалистическое пониманіе исторіи* или иначе *экономическій* или *діалектическій матеріализмъ?* Онъ учитъ, что во всѣ времена всѣ общества, всѣ государства и ихъ законы должны были примѣняться къ матеріальнымъ нуждамъ всѣхъ людей, къ ихъ экономическимъ потребностямъ, къ ихъ производительнымъ силамъ. Но развѣ жъ это не значитъ, что древніе рабовладѣльцы заковывали въ цѣпи рабовъ, дворяне сѣкли своихъ крѣпостныхъ, капиталисты нынѣ морятъ голодомъ рабочихъ,—потому что того требовали и требуютъ „нужды всѣхъ людей“, „экономическія потребности общества“? Чего же больше буржуазіи требовать отъ марксистовъ? Развѣ всѣ существовавшія досель ученія поповъ и государственныхъ мужей пытались доказать что либо другое?

Ой, хитрая же механика этотъ современный научный социализмъ! Какъ легко соблазниться красными его словцами! „Классовая борьба съ эксплуататорами“ — значитъ, подумаешь—немедленно долой грабителей! „Матеріальное“, „экономическое“ — значитъ, вѣроятно—чисто рабочее дѣло. „Матеріалистическое“... стало быть бунтарское? противъ всѣхъ поповскихъ святостей? Соблазнишься этими понятіями, и полный довѣрія хочешь постичь все ученіе. Пройдешь всю социалистическую школу и... даже не замѣтишь, что превратился въ интеллигентскую буржуазную пѣшку. Живешь среди рабочей неволи и не чувствуешь ея, забываешь, что родился въ тюрьмѣ, что обреченъ на пожизненный трудъ раба. Начинаешь любить все грабительское общество. Всероссійскій союзъ разноплеменныхъ грабителей ты, ограбленный, начинаешь величать своей родиной. Желаешь буржуазнаго обновленія этой родины и идешь въ борьбу за счастье этого грабительскаго союза.

Чѣмъ дольше живетъ социалистическое ученіе, чѣмъ больше оно распространяется по всему земному шару, тѣмъ больше становится настоящимъ поповскимъ ученіемъ. Когда-то бывали еще случаи, что социалистъ, и въ особенности марксистъ, даже обидится за сравненіе его съ религіознымъ проповѣдникомъ. Нынѣ всѣ социалисты публично гордо заявляютъ, что изобрѣли новую религію. Они теперь, конечно, назовутъ клеветникомъ того, кто считаетъ жрецовъ и поповъ мошенниками, а религію крѣпчайшей цѣпью рабства. Какъ можно! всѣ религіи въ свое время „воспитывали человѣчество“!

Какъ мы видѣли, ученые соц-дем-ты въ своей теоріи основательнѣйшимъ образомъ затушевываютъ всю вѣковую неволю рабочихъ массъ. Они безстыдно называютъ естественнымъ общежитіемъ цивилизованное общество-государство, называютъ *сотрудничествомъ* ту неволю людей, гдѣ большинство человѣчества превращено въ рабочій скотъ. Это „сотрудничество“ рабовъ и ихъ хозяевъ, хотя и подневольное, говорятъ марксисты, сообразовалось однако всегда съ экономическими нуждами людей, стало быть, преслѣдовало благо всѣхъ людей.

Если это сотрудничество рабовъ съ рабовладѣльцами было всегда необходимо ради общаго блага, то оно необходимо и теперь, пока еще социалистическій рай не насту-

пилъ. Это ученіе соц-дем-товъ о единомъ общественномъ организмѣ превращаетъ въ пустой звукъ, въ агитаціонную фразу всю ихъ „классовую борьбу противъ эксплуататорскаго строя". И дѣйствительно, они проповѣдуютъ рабочимъ только такую „классовую борьбу", которая безопасна для грабительскаго общества, какую разрѣшаетъ всякое умное буржуазное правительство.

Это соц-дем-ское ученіе о естественномъ экономическомъ сотрудничествѣ рабочихъ и ихъ грабителей возстановляетъ всѣ заповѣди господскихъ нравоучителей, налагаетъ вновь на рабочихъ всѣ „нравственныя обязательства", какія только когда либо придумывали духовные и свѣтскіе проповѣдники-лицемѣры, воскрешаетъ всѣ тѣ лживыя слова, съ помощью которыхъ всегда надували порабощенныхъ. Рабочіе должны любить тотъ грабительскій союзъ своихъ господъ, который въ мірѣ насилія и лжи именуется „родиной", „отечествомъ", „націей". Рабочіе должны защищать этотъ грабительскій союзъ отъ его „враговъ" и любить его больше, чѣмъ сами грабители. Рабочіе должны быть наиболѣе истинными, благочестивыми націоналистами, наиболѣе ревностными патріотами. Своею борьбой, своею кровью рабочіе обязаны освобождать своихъ враговъ-бѣлоручекъ, дарить имъ полное счастье, полную политическую свободу. Рабочіе должны быть честными, вѣрными, безкорыстными и великодушными рабами, рабами не за страхъ, а за совѣсть. Они должны будить даже въ своихъ господахъ стремленіе къ свободѣ, къ „истинной, справедливой" жизни, къ „свѣтлому идеалу разума, любви, добра и красоты".

И увы! проповѣдь соціалистическихъ краснобаевъ не пропала даромъ. Въ послѣдніе годы соціалистическіе рабочіе заразили своимъ „свѣтлымъ идеаломъ" всю сытую интеллигенцію. Въ „славные октябрьскіе дни" они объявили „товарищами" чуть ли не всѣхъ буржуа-бѣлоручекъ и по призыву соціалистовъ повторяли вслѣдъ за своими грабителями всѣ эти лживыя слова: родина, народъ, нація, истина, справедливость...

Можетъ быть россійскіе соц-дем-ты не знали, что борьба при звукахъ пѣсенъ объ истинѣ и справедливости, объ отечествѣ и единомъ народѣ означаетъ борьбу за счастье эксплуататоровъ? Можетъ быть они вдругъ позабыли, что эти самыя пѣсни безконечное число разъ въ исторіи оказывались средствомъ надувательства рабочихъ массъ? О нѣтъ! соціалисты все это прекрасно знали и помнили. Но ихъ задача и состояла именно въ томъ, чтобъ это надувательство продѣлать *еще разъ* и *сознательно*. Въ преддверіи соціалистическаго рая произошло то же, что уже много разъ случалось въ исторіи. Россійскіе рабочіе послужили пушечнымъ мясомъ въ борьбѣ за счастье октябристовъ и кадетовъ. И однако надувательство совершено не обычными буржуазными мошенниками, а истинными представителями пролетаріата, „защитниками" рабочаго класса. Вѣроятно по мнѣнію соціалистовъ это должно служить лишнимъ доводомъ, что соціалистическій рай не далекъ.

Мы видѣли какъ, затушевавъ всю вѣковую неволю рабочихъ массъ, соціалистическая религія объявляетъ всякое цивилизованное государство сотрудничествомъ для удовлетворенія экономическихъ нуждъ, для развитія производительныхъ силъ человѣчества. Опираясь на эту свою „науку" соціалистическіе попы заявляютъ, что вся исторія есть многовѣковое подготовленіе человѣчества къ будущей праведной жизни свободныхъ и равныхъ людей. Сколь таинственно дѣйствіе соціалистическаго провидѣнія: рабовладѣльцы думали только объ эксплуатаціи своихъ рабовъ, объ увеличеніи собственнаго богатства и богатства всего грабительскаго союза и всетаки, среди стона бичуемыхъ рабовъ шло безпрерывное воспитаніе людей и подготовленіе ихъ будущаго счастья.

Почему же, однако, общество равныхъ людей до сихъ поръ не народилось? Просто потому, отвѣчаетъ соціалистическая религія, что человѣчество еще не успѣло подготовиться къ нему: матеріальныхъ средствъ еще недостаточно, люди сами еще не воспитались для братской коммунистической жизни. Стало быть надо всѣми силами подготовляться, ибо увѣряютъ соціалисты, при освобожденіи рабочаго класса главная трудность заключается не столько въ томъ, чтобъ отнять богатства у буржуазіи, сколько въ умѣньи при помощи этихъ богатствъ устроить другую, лучшую жизнь. Пока у рабочихъ нѣтъ яснаго представленія о будущемъ строѣ, пока рабочіе не подготовились къ нему окончательно, нечего подымать рабочую революцію, кричатъ перебивая другъ друга всѣ соціалисты. — нечего нападать на буржуазію: все равно лучше не будетъ, напротивъ, не-

удачная революція отброситъ рабочихъ назадъ, отыметъ у нихъ даже то, что уже завоевано, уничтожитъ все многолѣтнее подготовленіе социалистическаго рая.

Буржуазія за эти золотыя слова собирается осыпать соціалистовъ всѣми своими милостями. Она даритъ имъ полную свободу пропаганды, она обѣщаетъ имъ разныя тепленькія мѣстечки, вплоть до мягкаго министерскаго кресла. Она понимаетъ, что соціалистическая болтовня можетъ быть для нея столь же полезна, какъ и христіанская проповѣдь, тюрьмы и пули. „Не бунтуйте", увѣщевали попы: „потеряете царствіе небесное!" — „Не бунтуйте", говорятъ точно такъ же соціалисты: „разрушите весь соціалистическій фундаментъ!"

Соціалисты ораторствуютъ до изнеможенія, исписываютъ цѣлыя груды бумаги и всѣ свои книжки, листки и рѣчи заканчиваютъ однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: „немыслимъ безъ предварительной подготовки соціалистическій строй! не смѣйте начинать безъ подготовки!"

Соціалисты трудятся не даромъ. Въ продолженіе всего истекшаго столѣтія, внѣ стѣнъ соціалистической церкви, внѣ соціалистически-буржуазныхъ революцій выступаетъ все яснѣе и яснѣе путь освобожденія рабочихъ, путь низверженія вѣковой рабочей неволи. Ни одинъ изъ соціалистическихъ мыслителей — хотя считать ихъ приходится чуть ли не сотнями — этого пути не придумалъ и даже не увидѣлъ. Путь этотъ открыли сами рабочія массы, и всѣ ученые люди, всѣ соціалисты не могутъ вспомнить о немъ безъ ненависти. Этотъ путь есть *массовая экономическая борьба рабочихъ, экономическая всеобщая стачка*.

Сколько соціалистическихъ мудрецовъ ломали, казалось, свои головы надъ вопросомъ, какимъ же образомъ рабочимъ освободиться, какъ устроиться, чтобъ въ новомъ обществѣ не возродились грабители!... Бросьте развратный міръ золотого тельца и въ далекихъ странахъ, на пустынныхъ островахъ основывайте общежитія на коммунистическихъ началахъ. — И конечно, эта затѣя первыхъ соціалистовъ увѣнчалась такимъ же успѣхомъ, какъ уходъ въ пустыню религіозныхъ фанатиковъ и сумасбродовъ для общенія съ богомъ... Выстройте собственный банкъ, собственную биржу и мѣняйте продукты безъ посредства купцовъ и капиталистовъ. — Но и эта позднѣйшая выдумка немедленно лопнула.. Не такъ, не такъ, кричатъ политики соціалисты, — низвергните троны, пусть власть перейдетъ въ руки народа — это

будетъ диктатура пролетаріата, она и устроитъ будущее общество. Низвергли троны, учредили республику, но власть народа оказалась диктатурой не пролетаріата, а буржуазіи.. Демократизируйте государственную машину, совѣтуютъ соц-дем-ты, выберите побольше своихъ соціалистическихъ депутатовъ. — И вотъ, когда въ Германіи депутатовъ набралось около сотни, они оказались такими же болтунами безъ всякаго проку, какъ и всѣ прочіе „представители народа"... Завоюйте всеобщее избирательное право! Но отъ завоеванія этого всеобщаго, прямого и проч. и проч. лишь умножается число правителей и командировъ, сидящихъ на спинѣ рабочихъ... Обобществимъ хоть землю, предлагали еще русскіе соціалисты-народники, хоть землю передадимъ народу. — Но отъ передачи земли народу (это хорошо знаютъ всѣ, даже русскіе соц-рев-ры) лишь умножается число хозяйственныхъ мужичковъ, не хуже помѣщиковъ выжимающихъ потъ изъ людей неимущихъ, бездомныхъ...

Словомъ, изъ всѣхъ безчисленныхъ соціалистическихъ изобрѣтеній получался либо вздоръ, либо *умноженіе грабителей*, укрѣпленіе рабочей неволи.

На всѣ эти соціалистическія затѣи рабочія массы отвѣчаютъ однимъ и тѣмъ же: *повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня!* „Какъ это низменно, грубо", повторяетъ всякій разъ соціалистъ. Да, какъ это низменно для его возвышеннаго коммунистическаго сердца! какъ грубо для его интеллигентской души! Однако благодаря упорнымъ рабочимъ бунтамъ буржуазія принуждена была хоть нѣкоторымъ слоямъ рабочихъ сократить рабочій день и повысить плату. И что же оказалось? Въ то время какъ каждая изъ „возвышенныхъ" выдумокъ соціалиста несла съ собой лишь освобожденіе буржуазіи, лишь *умноженіе грабителей*, „низменныя" завоеванія рабочихъ облегчали каторжный трудъ цѣлымъ слоямъ рабочаго класса, *не прибавивъ ни одного новаго грабителя*. Впервые въ исторіи наступила такая борьба порабощенныхъ, въ которой они *движутся по пути своего освобожденія, не превращаясь въ свою очередь въ новыхъ эксплуататоровъ*, какъ это было до сихъ поръ, какъ это было напр. при освобожденіи ремесленниковъ или крестьянъ.

Соціалисты неустанно, какъ мы видѣли, предостерегаютъ рабочихъ, что слишкомъ поспѣшное ихъ освобожденіе будетъ не прочнымъ, ибо позволитъ народиться новымъ эксплуататорамъ. Но пусть они вообразятъ какой угодно бы-

стрый ходъ экономической борьбы, какое угодно крупное завоеваніе рабочихъ на пути повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня, — это завоеваніе лишь облегчитъ неволю *всѣмъ* рабочимъ, но не создастъ *ни одного* эксплуататорскаго мѣстечка, ни одного *эксплуататорскаго дохода*. Напротивъ, именно *медленное* повышеніе заработной платы, происходившее до сихъ поръ, — не причинивъ никакого ущерба буржуазіи, досталось лишь нѣкоторымъ, наиболѣе обезпеченнымъ слоямъ рабочаго класса. Но быстрое и крупное повышеніе заработной платы, какое можетъ быть достигнуто всеобщей экономической стачкой, улучшитъ положеніе всѣхъ рабочихъ.

Быстрое и крупное рабочее завоеваніе несетъ съ собой одно послѣдствіе, передъ которымъ и дрожатъ соціалисты —экспропріацію грабителей. Когда рабочимъ удастся, преодолѣвъ демократическія и соціалистическія сѣти, поднять всеобщую экономическую стачку, — ихъ требованія будутъ столь высоки и столь непреодолимы, что удовлетвореніе ихъ потребуетъ не только экспропріаціи крупныхъ капиталистовъ, но и основательной урѣзки всѣхъ привиллегированныхъ доходовъ. При этомъ ясно отличіе рабочей революціи отъ революціи политической. Въ то время какъ послѣдняя лишь замѣняетъ одно тунеядство другимъ, — рабочая революція въ своемъ развитіи упраздняетъ всѣ виды тунеядства.

Политическія революціи упраздняютъ власть монарховъ, но эта власть переходитъ въ руки богачей и всего буржуазнаго общества. Онѣ урѣзываютъ доходы генераловъ, жандармовъ и поповъ только для того, чтобы увеличить доходы ученыхъ стражей общества. Но для рабочихъ, конечно совершенно все равно носить ли на своей спинѣ тунеядцевъ такого или иного сорта. Интеллигенты могли бы еще, пожалуй, рѣшиться на свою „соціалистическую“ революцію, которая милліоны отнятые у богачей раздастъ всѣмъ бѣлоручкамъ, но и отъ этого рабочіе ничего не выиграютъ, ибо вся сумма національной прибыли, весь фондъ идущій на содержаніе тунеядцевъ—ничуть не сократится.

Рабочая революція т. е. всеобщая экономическая стачка завоевывающая очень высокую заработную плату, уменьшаетъ весь тотъ фондъ, на который существуютъ и монархи, и богачи, и „военные“ и „гражданскіе“ паразиты, и государственные и частные бѣлоручки, и капиталисты и интеллигенція. На нищенской, рабской платѣ *ручныхъ* рабо-

чихъ покоится существованіе *всѣхъ* грабителей. Поэтому повышеніе заработной платы ручнаго рабочаго—единственный путь, единственное оружіе, отъ котораго гибнутъ грабители всѣхъ сортовъ и вновь уже не нарождаются. И, наконецъ, тѣми же міровыми экономическими стачками рабочіе подымутъ свою заработную плату до такой высоты, что упразднятъ всѣ грабительскіе доходы, низведутъ всякое жалованье до того уровня, какого достигнетъ ихъ собственная заработная плата. Тогда рушится вѣковая рабочая неволя. Завоеваніе ручными рабочими наивысшей заработной платы есть *единственный* путь экспропріаціи всѣхъ грабителей.

Ученымъ людямъ, каковы между прочимъ и соціалисты, сколько ни толкуй о всеобщей экономической борьбѣ рабочихъ—они какъ будто не въ состояніи здѣсь понять ничего. И не удивительно: они *не хотятъ* всеобщей экономической борьбы и потому дѣлаютъ видъ, будто она „непонятна“. А не хотятъ они ея потому, что своей собственной экспропріаціи не захочетъ никакой классъ собственниковъ. Ученые же люди, соціалистическіе мудрецы и воспитатели въ томъ числѣ — суть владѣльцы господскихъ доходовъ, подлежащихъ упраздненію въ рабочей революціи.

Всеобщую экономическую борьбу ручныхъ рабочихъ понимаютъ только сами рабочія массы. Понимаютъ ее всѣ слои рабочаго класса, даже наименѣе культурные. Понимаютъ ее даже безграмотныя массы самыхъ отсталыхъ странъ. Значитъ пониманіе это взято не изъ книгъ, ибо книги сколько ни пишутъ о „рабочемъ вопросѣ“, заботятся, однако, не о рабочихъ, а о грабительскомъ обществѣ. Пониманіе слѣдуетъ изъ самого ощущенія той неволи, въ которую погружены рабочія массы, и потому оно одинаково во всѣхъ странахъ, во всемъ мірѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи.

Всеобщая экономическая борьба, экономическіе бунты рабочихъ вспыхиваютъ однако до сихъ поръ не часто. Не легко массамъ прорвать всѣ демократическія и соціалистическія сѣти, не легко отвергнуть всѣ усыпительныя пѣсни собственныхъ интеллигентныхъ товарищей преданныхъ планамъ и интересамъ интеллигенціи. Да и какъ подымать такіе бунты, пока нѣтъ организаціи готовой объединить и поддержать ихъ, пока нѣтъ рабочаго заговора, а существуютъ лишь заговоры интеллигентскіе, зорко подстерегающіе,

какъ бы рабочій бунтъ превратить въ политическую революцію за тотъ или иной интеллигентскій идеалъ.

Свой экономическій бунтъ массы въ послѣднее время подымаютъ или тогда, когда вѣрятъ, что ихъ организаціи, ихъ комитеты готовятъ рабочую революцію, такъ было въ южно-русскай забастовкѣ 903 г. и отчасти въ итальянской 904 года,—или же въ моменты крайняго негодованія и отчаянья, какъ во время возстаній въ Италіи (98 г). Женевѣ, Барцеловѣ (902 г.) или недавно въ Бельфастѣ. Тогда рабочіе опрокидываютъ всѣ легальныя рогатки буржуазныхъ законовъ и соціалистической науки. Тогда неудержимо распространяется пожаръ рабочаго возстанія. Подымается рабочая стихія.

„Неразгаданная психологія массъ!“ глубокомысленно заявляютъ ученые лицемѣры. Но рабочіе въ эти моменты совершенно далеки отъ того, чтобъ говорить загадками. Подымается стихія потому, что передъ глазами всѣхъ рабочихъ предстало ихъ собственное дѣло. Повышеніе заработка, облегченіе каторги ручнаго труда — это дѣло всѣхъ ограбленныхъ и только ихъ. Тутъ уже нѣтъ ни малѣйшей доли какого либо господскаго подвоха. какой либо интеллигентской интриги. лживаго интеллигентскаго идеала. Напротивъ, это возстаніе противъ всѣхъ грабителей, противъ всего міра бѣлоручекъ. Вотъ что сознаютъ въ моментъ всеобщей экономической забастовки *всѣ* рабочіе, вплоть до наименѣе просвѣщенныхъ. Вотъ почему подымаются всѣ, вотъ почему рождается стихія.

На борьбу за собственное свое дѣло, на всеобщую экономическую стачку рабочіе подымаются безъ предварительнаго воспитанія, подготовленія, пропаганды, безъ конгрессовъ, съѣздовъ, голосованій. Такимъ именно образомъ возникла напр. южнорусская стачка 903 года. Никакая соціалистическая партія, никакая революціонная организація не подготовляла ея. Напротивъ, она возникла наперекоръ всѣмъ россійскимъ соціалистамъ и революціонерамъ, которые въ то время не изобрѣли еще своей „политической стачки“ и отвергали какую бы то ни было всеобщую забастовку. Точно такимъ же образомъ возникаютъ всеобщія экономическія стачки и въ другихъ странахъ. Онѣ вспыхиваютъ *внѣ рабочихъ союзовъ*. Ни одна изъ существующихъ

рабочихъ организацій, хотя бы она насчитывала милліоны членовъ, подготовить такой стачки не можетъ, ибо всѣ онѣ легальны, т. е. существуютъ по стольку и до тѣхъ поръ, пока отказываются отъ немедленной рабочей революціи, отъ нарушенія „общественныхъ основъ“ и всего „государственнаго порядка“. При малѣйшей попыткѣ подобнаго рода рабочіе союзы разгоняются правительствомъ, какъ бы демократично оно ни было. Такъ поступаетъ нынѣшнее французское правительство съ соціалистическими министрами во главѣ. Не иначе поступитъ и правительство состоящее сплошь изъ соціалистовъ. Вѣдь они на своихъ національныхъ и международныхъ конгрессахъ постоянно рѣшаютъ, что всеобщая экономическая стачка не допустима.

Итакъ всемірной экономической стачки, низверженія рабочей неволи не подготовятъ никогда, ни профессіональные рабочіе союзы, ни какія бы то ни было другія легальныя сообщества рабочихъ и соціалистовъ. Отсюда слѣдуетъ, что политическая свобода, какъ ее ни развивай, рабочей революціи ничуть не приближаетъ. Всемірная экономическая стачка, экспропріирующая всѣхъ грабителей можетъ быть подготовляема лишь въ подпольѣ, лишь въ подпольныхъ рабочихъ союзахъ, втайнѣ отъ всѣхъ ея враговъ — она можетъ быть подготовляема только путемъ *рабочаго заговора*.

Такая организація можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ если поставитъ *единственною* своею задачею достиженіе наивысшей заработной платы путемъ массовыхъ и всеобщихъ стачекъ, если будетъ стремиться только къ тому, чтобы вырвать у буржуазіи такимъ путемъ возможно большую долю ея богатствъ, откинувъ. какъ сплошную ложь, всѣ соціалистическія затѣи воспитанія массъ для будущей жизни Такая организація рабочаго заговора скажетъ, что для низверженія рабочей неволи ей вовсе не приходится воспитывать массы ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи Въ нравственномъ отношеніи —никакой пропагандистъ, никакой идеальный герой не въ состояніи ощущать рабочей неволи сильнѣе, чѣмъ сами массы и упорнѣе, чѣмъ онѣ, бороться противъ нея. И до сихъ поръ бѣда была не въ томъ, что массы не поднялись до уровня своихъ агитаторовъ. а напротивъ—въ томъ, что агитаторы не сумѣли дорости до той рабочей стихіи, которая вспыхиваетъ отъ времени до времени, и вѣчно измѣняли ей. Равнымъ образомъ организаціи рабочаго заго-

вора вовсе не приходится ждать, пока подымется умственный уровень рабочихъ массъ. Такая организація знаетъ, что въ грабительскомъ строѣ рабочіе, сколько бы ни стремились къ знаніямъ, будутъ обладать лишь образованіемъ рабовъ, будутъ культурны лишь постольку, поскольку выгоднѣе грабителямъ имѣть болѣе умныхъ, болѣе прибыльныхъ рабовъ. До тѣхъ поръ, пока рабочіе не отвергнутъ всѣхъ соціалистическихъ плановъ о саморазвитіи, самоусовершенствованіи и подготовленіи въ строѣ неволи къ будущей жизни, — они не въ состояніи будутъ организовать достаточной силы, и создать заговорщической организаціи способной низвергнуть грабительскій строй.

Полнѣйшая безсмыслица! кричатъ хоромъ всѣ соціалисты. Если рабочіе откажутся теперь же учиться и подготовляться къ будущему строю, то они никогда не дождутся своего освобожденія. Пусть рабочіе завоюютъ какую угодно высокую заработную плату, но если они не научатся сами вести производство и управлять всей жизнью общества, то останутся въ вѣчномъ рабствѣ, въ вѣчной зависимости отъ современныхъ правителей и хозяевъ. Это столь же несомнѣнно, увѣряютъ соціалисты, какъ дважды два четыре!

По данному вопросу соціалистамъ слѣдовало бы поменьше шуму подымать, ибо они своимъ шумомъ сами разоблачаютъ свое интеллигентское, свое господское тунеядство.

Соціалисты и интеллигенція на свои знанія смотрятъ точно такъ же, какъ предприниматель на свои капиталы. — Хочешь имѣть богатство, говоритъ капиталистъ рабочему: трудись, зарабатывай, сберегай! — Хочешь быть ученымъ какъ я, говоритъ точно такъ же соціалистъ и интеллигентъ рабочему: учись! каждую свободную минуту учись, а не пьянствуй, не лодырничай—другого пути нѣтъ! Какъ капиталистъ не можетъ допустить мысли, чтобъ отняли у него его капиталъ, такъ и соціалистъ считаетъ невозможнымъ, чтобы „экспропріировали“ интеллигенцію. Что же это такое, недоумѣваетъ онъ: будутъ „выскабливать у интеллигенціи мозги“—что ли?

Соціалисты и интеллигенты увѣряютъ, что знанія, которыми они обладаютъ — это... чистый свѣтъ, рождающійся въ небесахъ, а не на той грѣшной нашей землѣ, гдѣ повсюду царитъ грабежъ. Ни за что не хотятъ они вспомнить, что знанія-то эти выросли изъ *денегъ*, изъ того грабительскаго дохода, который находился въ карманахъ ихъ буржуазныхъ семей; что посѣщали они разныя учебныя заведенія только

потому, что другіе, ограбленные люди доставляли имъ на это время ученія и пищу, и одежду, и жилище, а собственныхъ своихъ дѣтей отправляли съ малолѣтства все въ ту же каторгу, которую сами несутъ всю свою жизнь. Равнымъ образомъ интеллигенты, соціалисты ни за что не хотятъ сознаться, что ихъ знанія, родившіяся изъ грабительскаго дохода, даютъ и имъ самимъ грабительскій доходъ. Какъ можно! Всякій интеллигентскій доходъ — это такая же заработная плата, какъ и у ручного рабочаго, только плата за трудъ „высшаго достоинства“. Точь въ точь также капиталистъ увѣряетъ, что онъ свой капиталъ заработалъ собственнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ соціалистическая наука заключаетъ ничуть не меньше лжи, чѣмъ наука буржуазная, утверждающая, что богатства рождаются изъ сбереженій. Эта буржуазная наука не удержала рабочихъ отъ бунтовъ, не удержитъ ихъ и наука соціалистовъ. Какъ были отброшены хозяйскія нравоученія, такъ отбросятъ и соціалистическія сказки о томъ, что знанія достались интеллигенціи путемъ чрезвычайнаго умственнаго труда, благодаря ея необычайнымъ умственнымъ дарованіямъ. Рабочимъ не приходится долго доказывать. что какъ всѣ богатства, такъ и всѣ знанія достаются господамъ путемъ грабежа, что слѣдовательно, надо лишь достать изъ господскихъ кармановъ денежки и окажется, что всѣ люди столь же даровиты и умны, какъ и премудрая интеллигенція.

Рабочіе не перестанутъ подымать своихъ экономическихъ стачекъ. Этими стачками они будутъ нападать не только на капиталистовъ, но и на интеллигенцію. Расправившись съ милліонерами, увеличивъ свою заработную плату насчетъ ихъ богатствъ, рабочіе, для дальнѣйшаго повышенія своей платы, принудятъ урѣзать и всѣ привиллегированные, интеллигентскіе доходы. Такимъ путемъ заработная плата рабочихъ сравняется съ доходомъ интеллигента. Но тогда у дѣтей ручныхъ рабочихъ будутъ тѣ же средства на образованіе, что и у дѣтей бѣлоручекъ. Волей-неволей будутъ учреждены одинаковыя учебныя заведенія для всѣхъ, и школа перестанетъ воспитывать, какъ нынѣ, однихъ въ рабовъ, другихъ въ господъ. Всѣ станутъ одинаково интеллигентными людьми, некого будетъ засадить за современную каторгу пожизненнаго ручного труда, некого будетъ грабить.

Но развѣ мы противъ всеобщаго равнаго образованія,

спрашиваютъ соціалисты? Напротивъ, мы его хотимъ: всякая наша программа говоритъ, что въ соціалистическомъ строѣ будетъ всеобщее равное образованіе.

О, конечно! соціалисты не насильники — они не ставятъ никакихъ препятствій всеобщему равному образованію. Они только запрещаютъ экспропріировать интеллигенцію. отнять у интеллигентскихъ семей тѣ деньги на образованіе, которыхъ лишены пролетарскія дѣти, тѣ деньги, благодаря которымъ потомство интеллигентовъ воспитывается въ свободныхъ отъ всякаго ручного труда бѣлоручекъ. Послѣ этого соціалисты отъ всей души желаютъ всеобщаго равнаго образованія.

Конечно, въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ будетъ все, о чемъ только добрые люди мечтаютъ — такъ ужъ полагается во всякомъ раю. Нн за то и отъ соціалистическихъ обѣщаній равнаго образованія для всѣхъ столько же проку, какъ и отъ прелестей загробнага рая.

У соціалистовъ всегда очень легко рѣшается вопросъ о томъ, какимъ образомъ осужденные на невѣжество рабочіе станутъ обладателями всей культуры и знаній. Разъ у рабочихъ есть такіе вѣрные и умные товарищи, какъ интеллигенты, то все будетъ хорошо. Лишь бы только рабочіе подняли революцію противъ капиталистовъ и современнаго правительства, а ученые товарищи ужъ все устроятъ похорошему. Хоть бы и пришлось одному по прежнему быть всю жизнь каменотесомъ, а другому профессоромъ, — все таки никакихъ обидъ, никакого гнета не будетъ, ибо ученые товарищи по мѣрѣ силъ и возможности все по братски раздѣлятъ съ каменотесами.

Но въ теченіе истекшаго столѣтія рабочіе уже много разъ подымали ту революцію, къ которой звали ихъ соціалисты — борьбу „противъ капиталистовъ и защищающаго ихъ правительства“. И что же оказывалось? какъ проявлялась братская любовь ученыхъ пролетаріевъ къ неученымъ товарищамъ? А вотъ какъ. Лишь только подъ напоромъ рабочихъ старое правительство дѣлало малѣйшую уступку интеллигенціи, изъ среды этихъ истинныхъ товарищей рабочаго видѣлялся подготовлявшійся заранѣе слой наиболѣе обезпеченныхъ, наиболѣе „цензовыхъ“ интеллигентовъ и занималъ правительственныя мѣста, и создавалъ гораздо

болѣе крѣпкую, гораздо болѣе жестокую власть, чѣмъ старые тираны. Наиболѣе звѣрской расправой такого рода было подавленіе извѣстнаго возстанія парижскихъ рабочихъ въ іюнѣ 1848 года. Ученые товарищи рабочихъ, называвшіе себя наканунѣ революціонерами и соціалистами, дорвавшись до власти по трупамъ рабочихъ, пріуготовили имъ кровавую баню не хуже всѣхъ карательныхъ экспедицій россійскаго самодержца.

Всякій разъ послѣ подобнаго рода событій соціалисты спѣшатъ замазать дѣло. Это де не настоящая интеллигенція—это измѣнники, буржуи, —говорятъ они, и указываютъ на тотъ слой интеллигенціи, который еще бунтуетъ и называетъ себя соціалистическимъ, потому что не успѣлъ добраться до власти; но который въ свою очередь завтра же повторитъ то же надувательство, ту же измѣну. Вотъ настоящая интеллигенція, расхваливаютъ соціалисты: трудовая! соціалистическая! пролетарская! Не разъ уже интеллигенція, въ лицѣ того своего слоя, которому удалось добраться до власти, оказывалась самымъ хищнымъ рабовладѣльцемъ, дьявольски умнымъ и свирѣпымъ усмирителемъ, и тѣмъ не менѣе, по объясненію соціалистовъ, „интеллигенція вообще“ „не причастна“ къ грабительству, она лучшій другъ рабочихъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ странахъ, во всемъ мірѣ соціалисты сажаютъ на спины рабочихъ всѣ по очереди слои интеллигенціи. Вотъ еще не такъ давно соціалисты учили россійскихъ рабочихъ, что въ Россіи нѣтъ почвы для сильной либеральной интеллигентской партіи способной обмануть рабочихъ. Они говорили эту ложь только для того, чтобъ на трупахъ рабочихъ могла сложиться сильнѣйшая либеральная партія кадетовъ. Теперь они увѣряютъ, что среди интеллигенціи кадеты единственные обманщики и измѣнники, для того чтобъ освободить слѣдующихъ за ними трудовиковъ, энэсовъ и проч. и проч., словомъ всю пишущую и болтающую братію подъ разными соціалистическими знаками. Соціалисты затѣмъ только и родились, чтобъ всей образованной буржуазіи, всѣмъ образованнымъ интеллигентамъ обезпечить путемъ рабочей борьбы полноправную грабельскую жизнь.

Однако, чѣмъ дальше идетъ это соціалистическое освобожденіе образованной буржуазіи на спинѣ рабочихъ, тѣмъ оно становится труднѣе. Теперь не такъ уже легко внушить рабочимъ ту первоначальную соціалистическую сказку,

что на другой день послѣ революціи интеллигенція учредитъ строй всеобщаго равенства. Впрочемъ есть все еще такіе соціалисты (с-р-ы, максималисты, большинство анархистовъ), которые стараются быть по прежнему революціонными, т. е. по прежнему ревностными освободителями бѣлоручекъ — эти по старому безцеремонно лгутъ, что интеллигенція передовой отрядъ въ борьбѣ за освобожденіе рабочихъ, что нѣтъ у рабочихъ лучшаго товарища, чѣмъ „работникъ духа". Однако болѣе осмотрительные с-д-ки усовѣщеваютъ ихъ — вѣдь такая примитивная болтовня представляетъ теперь серьезную опасность для интеллигенціи: рабочіе, освободивъ своихъ ученыхъ товарищей, тутъ же пристаютъ къ нимъ съ настойчивыми требованіями выполнить свои соціалистическія обѣщанія, и подымаютъ такіе опасные для грабительскаго строя бунты, какъ упомянутое выше іюньское возстаніе. Въ Россіи поэтому с-д-ки поютъ старую пѣсню на новый ладъ, и такъ именно, чтобъ по прежнему освобождая бѣлоручекъ, предохранить всѣхъ мирнообновленцевъ, кадетовъ, трудовиковъ и проч. отъ всякаго „непріятнаго эпилога", отъ всякихъ рабочихъ бунтовъ. „Не надо обманывать рабочихъ", надо напередъ „откровенно" предупредить ихъ, что предстоитъ не соціалистическая, а буржуазная революція, что интеллигенція, за которую рабочіе дерутся на баррикадахъ, есть интеллигенція буржуазная и рабочія напередъ должны обязаться не приставать къ ней съ соціалистическими требованіями. Собственную же революцію, учатъ с-д-ки рабочіе совершатъ потомъ, послѣ того какъ совмѣстно съ буржуазной интеллигенціей завоюютъ полную политическую свободу, свободу подготовлять будущій строй. Соціалистическую революцію рабочіе совершатъ уже *сами* и только *они одни* — „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ".

Итакъ, по новѣйшей соціалистической программѣ рабочимъ въ устройствѣ будущаго общества нельзя полагаться на интеллигенцію, которую до самаго наступленія соціалистическаго строя капиталисты будутъ развращать и подкупать буржуазными доходами. Слѣдовательно, знанія находящіяся въ рукахъ интеллигенціи не помогутъ — раньше чѣмъ подымать свою революцію рабочимъ надо самимъ изучить всѣ необходимыя для соціалистическаго хозяйства науки. Утописты думали, что соціалистическій строй на-

ступитъ тутъ же; современные соціалисты знаютъ, что онъ наступитъ не скоро.

Увы! этотъ идеальный строй не только не скоро — онъ не наступитъ никогда! Въ самомъ дѣлѣ, подумать только: раньше наступленія соціалистическаго строя рабочіе должны, оставаясь на своемъ рабскомъ пайкѣ, пріобрѣсть всѣ знанія необходимыя для управленія какъ производствомъ, такъ и всей общественной жизнью. Это значитъ всѣ тѣ знанія, которыя накопляются цѣлыми вѣками; всѣ тѣ знанія, которыя находятся въ рукахъ всего ученаго міра и преподаются во всевозможныхъ институтахъ, университетахъ, академіяхъ. На пріобрѣтеніе одной, малѣйшей доли этихъ знаній, одной лишь только интеллигентской спеціальности буржуазныя дѣти употребляютъ всѣ годы своего дѣтства и юности.

Рабочіе должны всѣ науки постичь исключительно путемъ какихъ-то сверхъчеловѣческихъ усилій, по праздникамъ, въ вечерніе и ночные часы, послѣ ежедневнаго ихъ труда, да еще при помощи разрѣшенныхъ буржуазіей рабочихъ союзовъ.

Увѣрять рабочихъ, что знанія пріобрѣтаемыя интеллигенціей втеченіе многихъ лѣтъ спеціально на это посвященныхъ, они могутъ пріобрѣсть въ часы отдыха послѣ каторжнаго труда! Увѣрять рабочихъ, что среднія и высшія учебныя заведенія, поглощающія на воспитаніе интеллигентскихъ дѣтей громаднѣйшія суммы, могутъ быть замѣнены... рабочими союзами созданными на рабочіе гроши! — Возможно ли придумать большее издѣвательство!

Выжидать пока рабочіе, обреченные на невѣжество своимъ рабскимъ пайкомъ, сдѣлаются способными управлять производствомъ и общественной жизнью—это значитъ обезпечить спокойную паразитную жизнь всѣмъ грабителямъ на вѣки вѣчные.

Соціалисты гордятся, что не въ примѣръ попамъ, помѣстили царство небесное на землѣ. Они гордятся напрасно. Земной соціалистическій рай такъ же далекъ и не доступенъ для живыхъ людей, какъ и всякій посмертный рай.

БОРЬБА ЗАНЯТЫХЪ РАБОЧИХЪ И БЕЗРАБОТНЫЕ.

Ученые соціологи и политики увѣряютъ, что экономическіе бунты рабочихъ, ихъ бурныя экономическія стачки происходятъ въ каждой странѣ лишь въ началѣ рабочаго движенія и свидѣтельствуютъ о его младенчествѣ. Но повсюду, объясняютъ они, рабочее движеніе очень скоро принимаетъ форму мирной и законной борьбы, лишь только рабочіе получаютъ свободу союзовъ и стачекъ. Чѣмъ старше, шире и сильнѣе рабочее движеніе, тѣмъ оно враждебнѣе первоначальнымъ бунтамъ и происходитъ въ видѣ профессіональной борьбы, профессіональныхъ стачекъ, которыя протекаютъ безъ всякаго нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, ибо рабочіе ведутъ забастовку лишь постольку, поскольку есть деньги въ ихъ профессіональной кассѣ. Такъ происходило и происходитъ во всѣхъ странахъ, объясняютъ ученые политики: такъ будетъ и въ Россіи, гдѣ теперь повсюду рабочіе заняты почти исключительно своими профессіональными организаціями.

Не трудно замѣтить, что ученые говорятъ то именно, что имъ самимъ нужно. Имъ нежелательны экономическіе рабочіе бунты, которые, разросшись, могли бы лишить ихъ господскаго положенія и господскихъ доходовъ. Поэтому они и увѣряютъ, что экономическіе бунты канули въ вѣчность. Имъ пріятны мирные профессіональные союзы рабочихъ, при которыхъ почтенные ученые получаютъ регулярно свое господское содержаніе. Они и утверждаютъ, что теперь какъ и впредь возможна лишь профессіональная борьба рабочихъ.

Съ такими буржуазными учеными вполнѣ согласны и соціалисты и говорятъ они о рабочемъ движеніи то же самое, только на другомъ языкѣ, который они называютъ революціоннымъ и соціалистическимъ.

Въ своихъ первоначальныхъ бунтахъ, говорятъ соціалисты, рабочіе борются не столько за свои экономическія

требованія, сколько за политическую свободу, за „свободу рабочей борьбы". И во всѣхъ странахъ раньше или позже рабочіе добиваются у буржуазнаго общества этой свободы борьбы за соціализмъ, этого права открыто бороться за низверженіе господства эксплуататоровъ. (Интересно бы знать, какъ это эксплуататорское общество можетъ дать рабочимъ такое право?)

Добившись свободы борьбы, рабочіе организуютъ все большіе и большіе союзы, охватываютъ своей организаціей весь рабочій классъ и готовятъ неотвратимую гибель существующему обществу. (Опять таки очень мудрено постичь, какимъ это образомъ современныя государства, имѣющія пока силу подавить вспыхивающіе бунты, смотрятъ преспокойно, какъ профессіональные союзы готовятъ имъ смерть!)

Ясно, что соціалисты говорятъ точь-въ-точь то же самое, что и либеральные ученые, направляютъ экономическую рабочую борьбу на тотъ же путь, что и тѣ, на путь легальнаго движенія; но дѣлаютъ они это съ большимъ пыломъ, ибо соціалисты только стремятся давленіемъ рабочей борьбы на буржуазную власть получить то, что либералы уже имѣютъ. Что же касается утвержденія соціалистовъ, будто легальные рабочіе союзы своимъ ростомъ готовятъ гибель существующимъ буржуазнымъ порядкамъ, такъ это пустое бахвальство. Въ послѣдніе годы рабочіе союзы въ Германіи возросли чрезвычайно, профессіональные рабочіе союзы догнали по своимъ размѣрамъ англійскіе и насчитываютъ до полутора милліоновъ членовъ. И вотъ германскій императоръ, котораго никто не сочтетъ ненадежнымъ защитникомъ буржуазіи, заявляетъ передъ лицомъ этихъ такъ сильно возросшихъ легальныхъ рабочихъ союзовъ: мы (конечно, буржуазное государство) находимся въ періодѣ небывалаго расцвѣта.

Это безспорный фактъ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ первоначальная бунтарская фаза рабочаго движенія смѣнялась до сихъ поръ мирной профессіональной борьбой, а бурныя экономическія стачки вспыхиваютъ до послѣдняго времени рѣдко. Но все это означаетъ лишь, что пока буржуазія прочно царитъ повсюду. Объясненія же либераловъ и соціалистовъ, будто во всѣхъ странахъ рабочіе отреклись отъ бунтарства и, признавъ его невѣрнымъ методомъ борьбы, нащупали въ профессіональныхъ союзахъ наилучшій и единственно возможный путь для ра-

бочихъ завоеваній и главное своего освобожденія — это ложь ученаго бѣлоручки. Сами рабочіе, участвующіе въ западноевропейскихъ профессіональныхъ союзахъ, ничуть не склонны преувеличивать ихъ значенія. Они смотрятъ на дѣло реально и совсѣмъ не думаютъ, что своими союзами готовятъ гибель буржуазіи. Тамъ, гдѣ профессіональные союзы наиболѣе сильны, какъ напримѣръ въ Англіи, рабочіе просто берутъ, что можно взять безъ бунта противъ буржуазнаго всевластія, безъ генеральной схватки съ буржуазіей, и потому имъ безразлично, отъ кого получить ту или иную уступку, отъ либераловъ или отъ консерваторовъ. Рабочіе просто видятъ въ своихъ профессіональныхъ союзахъ средство наилучшаго и возможно полнаго использованія того рабскаго пайка, который буржуазное государство находитъ возможнымъ предоставить имъ. Такъ же начинаютъ смотрѣть на свое профессіональное движеніе и германскіе рабочіе по мѣрѣ роста ихъ профессіональныхъ организацій. Они никакъ но могутъ признать организаторами рабочей революціи тѣхъ болтуновъ соціалистовъ, которые забавляютъ ихъ по праздничнымъ днямъ своими трескучими и пустыми фразами; не видя въ соціалистическихъ организаціяхъ силы, способной свергнуть буржуазію, рабочіе не особенно склонны повторять за соціалистами ихъ громкія слова. Да это и лучше: соціалистическое краснобайство во всякомъ случаѣ еще больше затруднило бы начало рабочей революціи.

Итакъ, рабочіе заняты повсюду мирными професіональными союзами потому, что пока нигдѣ не существуетъ организацій, дѣйствительно подготовляющихъ гибель вѣкового ихъ рабства. Но такая организація, организація рабочихъ возстаній-стачекъ раньше или позже возникнетъ, и тогда, гг. либералы и соціалисты, горе всѣмъ незыблемымъ историческимъ законамъ, горе всѣмъ вашимъ формуламъ о молодости и зрѣлости рабочей борьбы! Весь этотъ хламъ при первомъ дуновеніи всемірной экономической стачки — будетъ съ негодованіемъ отброшенъ рабочими.

Но теперь въ профессіональномъ рабочемъ движеніи буржуазный міръ черпаетъ свое могущество. Словно всѣ обманщики міра напрягали свой умъ, чтобы ловкой поддѣлкой бунта предотвратить настоящій бунтъ рабовъ, чтобы его подобіемъ убаюкать ихъ, успокоить ихъ возмущеніе и сознаніе необходимости борьбы.

Въ профессіональной стачкѣ участвуютъ иногда сотни

тысячъ рабочихъ цѣлой страны и даже нѣсколькихъ странъ, она продолжается иногда цѣлые мѣсяцы и тѣмъ не менѣе эти гигантскія стачки ни въ чемъ не нарушаютъ хода всей буржуазной жизни. И это потому, что забастовка рабочихъ одной только профессіи не въ состояніи задержать нормальнаго хода хозяйственной жизни страны и оказать должное давленіе на буржуазное общество.

Эти гигантскія забастовки никого не пугаютъ, ибо всѣ знаютъ, что забастовщики рѣшили не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, къ гибельнымъ для существующаго строя средствамъ. Это не борьба: это рабочіе одной отрасли производства *торгуются* со своими хозяевами; при первомъ признакѣ, что касса исчерпана, забастовщики сдадутся, и это всѣ ихъ враги напередъ знаютъ. Профессіональная стачка никого не воодушевляетъ, не заражаетъ жаждой борьбы даже бокъ о бокъ живущихъ рабочихъ другихъ профессій. Всѣ знають, что пожаръ не распространится, а точнѣе говоря, что пожара-то никакого нѣтъ и быть не можетъ.

Вотъ какую разрозненность, отчужденность воспитываетъ въ рабочихъ массахъ хваленая буржуазная свобода! Вышеописаннымъ образомъ происходятъ стачки напримѣръ въ Англіи, т. е. тамъ, гдѣ рабочіе цѣлыхъ сто лѣтъ выстраиваютъ свои профессіональные союзы. Сколько лжи въ утвержденіяхъ соціалистовъ, будто политическая свобода, демократія можетъ объединить весь рабочій классъ для низверженія эксплуататоровъ! Сколько лжи въ ихъ фарисейскомъ лозунгѣ: Пролетаріи соединяйтесь!

Вспомните, какъ происходили еще недавно экономическія стачки въ Россіи, безъ политической свободы, безъ профессіональныхъ союзовъ. Вотъ Баку лѣтомъ 1903 г. Всѣ рабочіе города и окрестностей подымаются, какъ одинъ человѣкъ, и немедленно ставятъ всѣмъ предпринимателямъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности одно требованіе. Либеральные и соціалистическіе обманщики смотрятъ на этотъ общій бунтъ рабочихъ, дрожатъ передъ нимъ и мечтаютъ о томъ, какъ они развратятъ эту единодушную рабочую массу, какъ расколютъ ее на отдѣльныя профессіи, такъ чтобы это единодушное нападеніе на всю буржуазію больше не повторялось.

Всякое правительство — самодержавное ли оно или демократическое — затопляетъ въ крови первоначальныя массовыя забастовки и всякія послѣдующія попытки къ нимъ.

И потомъ законъ великодушно даруетъ отдѣльнымъ профессіямъ свободу объединяться. Полицейскіе зорко слѣдятъ и сурово караютъ, если въ рабочій союзъ случайно попадутъ „постороннія лица“, если напримѣръ къ типографщикамъ затесается текстильщикъ.

Именно, именно такъ надо. поясняютъ соціалисты; слушайтесь градоначальника — онъ въ этомъ случаѣ правъ — такъ, по профессіямъ скорѣе всего низвергнете эксплуататоровъ. Потомъ въ демократическомъ раѣ воспитывается, вскармливается, укрѣпляется эта спасительная для грабителей профессіональная разрозненность рабочихъ. Этой неизбѣжной разрозненности не въ состояніи нарушить никакіе послѣдующіе съѣзды и конгрессы, никакія объединенія профессій. Эту разрозненность уничтожитъ лишь рабочій заговоръ и рабочая революція.

Но мы смотрѣли до сихъ поръ лишь на поверхность профессіональнаго рабочаго движенія. Взглянемъ въ его сущность и тогда увидимъ причину владычества буржуазіи надъ съорганизованными въ профессіональные союзы массами рабочихъ, увидимъ причины ихъ безсилія.

Всякій тюремщикъ по отношенію къ своимъ строптивымъ невольникамъ ведетъ неуклонно одну постоянную и строго опредѣленную линію. Бунтовщики никогда не должны получить уступки. Бунтовщики всегда должны быть принижены и наказаны, даже если ихъ бунтъ былъ удаченъ. Тюремщикъ наказываетъ непокорнаго узника даже въ томъ случаѣ, если рѣшаетъ сдѣлать послабленіе и уступку. Поэтому уступку эту онъ норовитъ всегда дать не немедленно, не возмущеннымъ невольникамъ, а лишь впослѣдствіи, когда они подавлены, наказаны. И понятно: въ первомъ случаѣ онъ своею уступкой лишь пріободрилъ бы ихъ и толкнулъ на дальнѣйшіе бунты, а ему надо вызвать и упрочить въ душѣ невольника то рабское убѣжденіе, что уступка дана *не за бунтъ* (бунтовщики были наказаны), *а за смиреніе*. Если только тюремщику удалось вызвать такое сознаніе — онъ спасъ себя, предохранилъ отъ дальнѣйшихъ бунтовъ, *купилъ* уступкой покорность своихъ невольниковъ.

Эту именно политику умнаго и хитраго тюремщика ведетъ въ конституціонныхъ странахъ образованная буржуазія по отношенію къ своимъ невольникамъ — рабочимъ массамъ. Завоеванія, полученныя до сихъ поръ рабочимъ классомъ — получены потому, что во всемъ капиталистическомъ мірѣ, во всѣхъ странахъ происходили рабочіе бунты, которые,

продолжаясь и развиваясь, дѣлали бы невозможнымъ не только благоденствіе, но само существованіе грабительскаго общества. Только во избѣжаніе такихъ бунтовъ, только напуганная этими бунтами, буржуазія дѣлала впослѣдствіи уступки съорганизованнымъ въ профессіональные союзы рабочимъ. Не будь этихъ бунтовъ, не было бы никакихъ рабочихъ завоеваній. Понятно, почему такъ часто мирныя профессіональныя стачки, продолжающіяся долгіе мѣсяцы и поглощающія изъ рабочихъ кассъ цѣлые десятки милліоновъ рублей, не приносятъ рабочимъ ни малѣйшаго завоеванія. Это случается тогда, когда буржуазіи не грозитъ ни малѣйшая опасность, что мирная стачка перейдетъ въ бунтъ.

Буржуазія, какъ всякій тюремщикъ, дѣлаетъ уступки для того, чтобы купить себѣ спокойствіе своихъ рабовъ и предохранить себя отъ ихъ бунтовъ. Она даетъ рабочимъ право организоваться для того, чтобы рабочіе бунты не принудили ее опять когда нибудь къ новымъ крупнымъ уступкамъ, для того, чтобы имѣть дѣло съ мирными профессіональными союзами, которымъ можно безбоязненно отказывать. И вотъ вся ученая братія, и соціалисты въ томъ числѣ, являются вѣрнѣйшими ея помощниками въ проведеніи этой тюремной политики. Они всѣми силами стараются воспитать въ душѣ рабочихъ всѣ тѣ рабскія чувства, которыя нужны грабителямъ. Какъ настоящіе тюремщики они учатъ, что завоеванія рабочимъ даетъ не ихъ бунтъ, опасный для грабителей, а напротивъ ихъ безопасные для грабителей профессіональные союзы. Они учатъ, что не нападеніе на грабительскіе законы, а подчиненіе имъ, уваженіе къ эксплуататорскимъ порядкамъ принесетъ счастье и свободу рабочему классу. Соціалисты на ряду съ образованной буржуазіей стремятся подкупить и развратить тѣ рабочіе слои которые получаютъ отъ буржуазіи уступку, они добиваются того, чтобы эти рабочіе считали свои рабочіе бунты не только безплодными, но и вредными. Указывая, какъ во время самихъ бунтовъ не было никакихъ уступокъ и какъ уступки получились лишь послѣ успокоенія рабочихъ, они пытаются привить уму рабочихъ подлую мысль, будто бунты мѣшали полученію уступки. И такимъ образомъ они стараются всѣми силами, чтобы получившіе уступки рабочіе ненавидѣли и проклинали своихъ собственныхъ борцовъ и метителей, собственныя величайшія возстанія, мужественнѣйшіе бунты.

Но вышесказаннымъ далеко еще не исчерпывается вся

политика господствующей буржуазіи. Тюрьма, въ которой живутъ порабощенныя массы, имѣетъ очень много отдѣленій, заключаетъ различные слои невольниковъ. Это позволяетъ образованной буржуазіи развить искусство тюремщика до наивысшей его степени, позволяетъ ей успѣшно сѣять рознь между отдѣльными слоями рабочаго класса и натравлять ихъ другъ на друга

Господствующая буржуазія старается дѣлать уступку не тѣмъ, которые наиболѣе въ нихъ нуждаются, которые поэтому мужественнѣе всего за нихъ боролись, а тѣмъ, которые были и обѣщаютъ быть наиболѣе спокойными. Этимъ она болѣе всего укрѣпляетъ рабскую мысль, что счастье приносятъ не бунты, а смиреніе.

Понятно, что во время рабочихъ бунтовъ, наиболѣе несчастные, наиболѣе обездоленные слои рабочаго класса бунтуютъ больше всего и, напротивъ, лучше оплачиваемые, болѣе обученные рабочіе оказываются болѣе сдержанными. И вотъ потомъ, когда бунтъ подавленъ, больше всего получаютъ лучшепоставленные рабочіе въ профессіональныхъ союзахъ, тѣ, которымъ и легче съорганизовать сильный профессіональный союзъ. Часто почти они одни получаютъ выгоду отъ того, что всѣ рабочіе бунтомъ принудили грабителей уступить. Напротивъ, тѣ. кто больше всего нагналъ страху на буржуазію и заставилъ ее пойти на уступки, хуже всего оплачиваемые рабочіе. наиболѣе несчастные, часто не только не получаютъ ничего, но иногда попадаютъ еще въ худшее положеніе.

Такимъ способомъ образованная буржуазія, своею хитрою политикою глубоко раскалываетъ все больше и больше рабочій классъ, старается обособить хорошо оплачиваемую часть рабочихъ отъ нищенствующихъ массъ. Недовольство послѣднихъ она старается побить умѣренностью и спокойствіемъ первыхъ. Соціалисты и соц-д-ты въ особенности совмѣстно со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ стараются даже вскормить у лучше поставленныхъ рабочихъ презрѣніе къ обездоленнымъ, къ босякамъ, къ „люмпенпролетаріямъ“. Въ данномъ случаѣ соціалисты не брезгаютъ развивать въ душѣ рабочихъ самые звѣрскіе инстинкты грабительскаго строя.

Съ развитіемъ буржуазной жизни, съ развитіемъ профессіональныхъ союзовъ появляется наконецъ глубокая трещина между лучшеоплачиваемыми и бѣдствующими рабочими слоями. Первые въ теченіе многихъ лѣтъ выстраиваютъ

свои союзы и накопляютъ въ своихъ кассахъ довольно значительныя деньги. Этимъ они обезпечиваютъ своихъ членовъ хоть *до нѣкоторой степени*, конечно, всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, въ случаѣ потери работы. Напротивъ, бѣдствующіе слои рабочаго класса не въ состояніи урвать для составленія профессіональной кассы ни копейки отъ своей нищенской платы и подвергаются всѣмъ ужасамъ безработицы. Они, конечно, всегда не довольны, всегда склонны къ бунтамъ; но тѣ, лучше поставленные рабочіе не понимаютъ ихъ отчаяннаго положенія, рады собственной кое-какой обезпеченности, боятся потерять ее и такимъ образомъ обезпечиваютъ буржуазіи то, что ей надо—спокойствіе государства.

Соціалисты, въ особенности тѣ изъ нихъ, что стараются быть наиболѣе революціонными, именно анархисты, нерѣдко какъ будто жалуются на эту умѣренность и спокойствіе лучше поставленныхъ рабочихъ, на „оппортунизмъ тредъюніонистовъ“, т. е. членовъ профессіональныхъ союзовъ. Но чего же они хотятъ? Вѣдь мы видѣли, что соціалисты сами лучше всего помогли и помогаютъ буржуазіи отвлечь рабочихъ отъ ихъ всеобщей экономической борьбы. Это дѣлаютъ не только умѣренные соціалисты, называемые у соц-д-овъ ревизіонистами, но и слывущіе болѣе революціонными, какъ марксисты „ортодоксы“, большевики и с-р-ы въ Россіи. Не трудно замѣтить, что то же самое дѣлаетъ какъ вновь изобрѣтенный во Франціи и Италіи „революціонный“ соціализмъ, „революціонный синдикализмъ“, такъ и анархизмъ вообще, не трудно замѣтить, если только не дать обмануть себя ихъ трескучими фразами. Синдикалисты, анархисты, какъ и всѣ соціалисты, не хотятъ чисто рабочихъ бунтовъ, чисто экономической всемірной забастовки за наивысшую заработную плату ручныхъ рабочихъ. Революціонные синдикалисты и анархисты призываютъ рабочихъ къ своей „соціальной революціи“, которая есть интеллигентская революція. ибо синдикалисты и анархисты, какъ они сами заявляютъ, такіе же соціалисты какъ всѣ прочіе, только болѣе горячіе.

Итакъ, чего же хотятъ отъ умѣренныхъ и спокойныхъ трэдъюніоновъ, т. е. профессіональныхъ союзовъ, всѣ эти „болѣе революціонные“ соціалисты?

Оппортунизмъ трэдъюніоновъ, говорятъ они, проистекаетъ отъ того, что рабочіе думаютъ только о хлѣбѣ, только о сытости. Рабочіе должны умѣть бороться также и за иде-

алъ, за соціалистическій идеалъ. Въ этомъ направленіи соціалисты и должны воспитывать рабочихъ и учить ихъ бороться не за жалкія уступки, а „за все". вести ихъ прямо къ „соціальной революціи". Стало быть, такъ толкуютъ дальше эти „самые революціонные соціалисты": одна экономическая борьба за повышеніе заработной платы недостаточна. Если ограничиться только ею, рабочіе превратятся лишь въ сытыхъ рабовъ, не ощущающихъ потребности въ свободѣ, не желающихъ бороться за нее.

Вотъ оно какъ! Стало быть нечего спѣшить съ уничтоженіемъ безработицы ради свободы, ради скорѣйшаго наступленія „соціальной революціи". Кормить голодныхъ людей надо осмотрительно! Повидимому, какъ капиталистамъ нуженъ голодъ рабочихъ, гонящій ихъ къ каторжному труду, такъ и для соціалистовъ необходимъ голодный рабочій, ибо такой по ихъ разсчетамъ лучше бунтуетъ за выдуманную ими и нужную имъ самимъ соціалистическую свободу! Эти господа „революціонные соціалисты" (и марксистскаго и анархистскаго толка) въ самомъ дѣлѣ договариваются иногда до подобнаго рода откровенностей.

Мы уже говорили, что соціалисты направляютъ борьбу рабочихъ такъ именно, какъ это нужно образованной буржуазіи. Но говоря преимущественно о „революціонныхъ соціалистахъ", надо еще подчеркнуть то, что они пока лишь ***помощники*** буржуазіи. А хотятъ они однако быть самостоятельными командирами рабочихъ, устранивъ верховенство всякихъ плутократовъ.

Между тѣмъ какъ буржуазія требуетъ отъ рабочихъ трэдъюніонистовъ взамѣнъ за полученную уступку полнаго спокойствія и честнаго рабскаго труда, — соціалисты требуютъ, чтобы рабочіе сверхъ этого боролись еще за „идеалы", т. е. за соціалистовъ, чтобы поставили ихъ на мѣсто консервативной и либеральной буржуазіи. Вотъ что означаетъ пѣсенка о томъ, что трэдъюніонистамъ надо теперь бороться не за хлѣбъ, а за „идеалы".

„Революціонные соціалисты" повидимому думаютъ, что разъ борьба ведется только за „сытость" — трэдъюніонамъ уже больше не зачѣмъ бороться. Очевидно, они считаютъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ уже достаточно сытыми. Они, вѣроятно, ужаснулись бы, если бы имъ сказать, что вся рабочая революція состоитъ только въ достиженіи именно „сытости", но сытости несравненно большей, чѣмъ та, которою пользуются трэдъюніонисты. Они

поэтому ни за что не хотятъ повѣрить, что рабочіе профессіональныхъ союзовъ отрекутся отъ своего оппортунизма не въ борьбѣ за „идеалъ", а въ борьбѣ за ***наивысшую заработную плату.***

„Революціонные соціалисты" жаждутъ якобы борьбы; они жалуются, что среди успокоенныхъ массъ не находятъ отклика, что имъ негдѣ якобы приложить свою революціонность. Такъ часто жалуются въ особенности анархисты. Но вѣдь кромѣ успокоенныхъ въ профессіональныхъ союзахъ рабочихъ, есть повсюду рабочіе слои прямо голодающіе и гораздо болѣе недовольные, чѣмъ всякіе „революціонные соціалисты" и анархисты. Почему же эти герои оставляютъ въ сторонѣ наиболѣе обездоленныхъ рабочихъ и пытаются „революціонизировать" только и непремѣнно союзы лучше поставленныхъ рабочихъ? Почему же это всякіе анархисты, жаждущіе якобы бунтовъ, никогда ни одного разу за все столѣтіе не пошли туда, гдѣ для бунта достаточно одной лишь искры, почему же никогда имъ не приходило въ голову поднять борьбу безработныхъ? Потому что „революціонные соціалисты" еще въ большей степени, чѣмъ умѣренные, считаютъ чисто экономическую борьбу, борьбу за повышеніе заработка, чрезвычайно низменнымъ занятіемъ. Они ее подымаютъ лишь въ случаѣ самой крайней необходимости. Между тѣмъ, съ наиболѣе бѣдствующими слоями рабочаго класса пришлось бы говорить только объ этомъ презрѣнномъ заработкѣ.

Вотъ почему разные „революціонные соціалисты" и разные анархисты, порицающіе рабское спокойствіе рабочаго класса, идутъ все таки не туда, гдѣ существуетъ самое сильное недовольство и отчаяніе, а туда, гдѣ царитъ умѣренность, т. е. къ лучше поставленнымъ рабочимъ. Здѣсь меньше приходится бороться за повышеніе заработной платы, здѣсь больше можно клеймить и отвергать сытость, здѣсь легче вызвать любовь къ „идеаламъ", здѣсь легче установить не рабочія требованія, а требованія непристроившейся и терпящей обиды отъ плутократовъ соціалистической интеллигенціи.

Власть грабителей, власть буржуазіи ни въ малѣйшей мѣрѣ не поколеблена до сихъ поръ. И не можетъ быть поколеблена никакими изъ тѣхъ рабочихъ союзовъ, которые

разрѣшены демократическимъ государствомъ, какихъ бы размѣровъ они не достигли.

Власть грабителей не поколеблена, ибо не уничтоженъ тотъ бичъ, которымъ грабительскій міръ гонитъ къ каторжному труду всѣ порабощенныя массы. Профессіональными союзами всѣхъ странъ, легальнымъ рабочимъ движеніемъ всего міра ни въ малѣйшей степени не уменьшены ужасы *безработицы*, голодъ безработныхъ.

Этотъ бичъ виситъ надъ головой всякаго рабочаго, даже наилучше оплачиваемаго, даже участника самыхъ богатыхъ рабочихъ союзовъ. Стоитъ ему потерять работу по какому либо несчастному случаю и не найти ее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, самое большее, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — пособіе рабочей кассы прекращается и передъ нимъ — голодная смерть. Безработный чувствуетъ, что онъ такой же рабъ, какъ рабъ древняго міра. Хоть онъ не прикованъ къ цѣпи, хоть и не сѣкутъ бичемъ его спины, онъ, какъ древній рабъ, исполнитъ какую угодно черную работу, проклиная свою долю гражданина свободной демократіи. Безработный чувствуетъ, увы, черезчуръ ясно, — что, хоть онъ и получилъ хорошую плату, хоть и былъ участникомъ самаго богатаго союза, хоть и пользовался наилучшими условіями труда, — онъ есть и былъ рабъ, ограбленный, рабъ неимущій, безъ малѣйшаго права на тѣ богатства, которыя создалъ, съ правомъ лишь на рабскій паекъ, который прекращается съ прекращеніемъ рабскаго труда.

Но бичъ-голодъ виситъ не только надъ отдѣльнымъ рабочимъ, выброшеннымъ изъ профессіональнаго союза. Онъ виситъ надъ всѣмъ рабочимъ классомъ, надъ самымъ могущественнымъ профессіональнымъ союзомъ. Пусть только этотъ союзъ повѣритъ краснобаямъ-соціалистамъ, будто онъ своею многочисленностью и богатой кассой вырылъ могилу эксплуататорамъ, пусть только, понадѣявшись на это, попробуетъ быть очень требовательнымъ, и хозяева опустятъ свой бичъ-голодъ на самую спину „могильщика" — профессіональнаго союза. Хозяевамъ стоитъ лишь выждать очень недолгое время, и забастовщики-рабочіе могущественнѣйшаго профессіональнаго союза, если забыли, что они рабы, то скоро, исчерпавъ свою кассу, убѣдятся еще лишній разъ, что ихъ демократическое государство, въ которомъ они называются „свободными" гражданами", для нихъ неволя, что ихъ „свободное отечество" для нихъ тюрьма, въ

которой нельзя отказываться отъ пожизненнаго каторжнаго труда.

Капиталисты находятъ возможнымъ стегнуть иногда бичемъ — голодомъ даже тѣхъ рабочихъ, которыхъ, казалось бы, они хотятъ подкупить профессіональнымъ движеніемъ. Это они позволяютъ себѣ тогда, когда вполнѣ увѣрены, что рабочіе опаснаго бунта ни въ коемъ случаѣ не подымутъ. Это случается въ послѣдніе годы, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ соц.-д—ты такъ искусно и успѣшно успокаиваютъ рабочихъ и на всѣхъ своихъ конгрессахъ громче всѣхъ заявляютъ, что всеобщая экономическая стачка — абсурдъ, котораго они ни за что не допустятъ. Стало быть, думаютъ себѣ капиталисты, надо воспользоваться этимъ хорошимъ временемъ. Они понижаютъ плату и, предохраненные соц.-д — ами отъ всякихъ бунтовъ, устраиваютъ колоссальные локауты. Этимъ путемъ они, по крайней мѣрѣ, опустошаютъ рабочую кассу, если и не принудятъ рабочихъ къ худшимъ условіямъ труда.

Какъ быстро, говорили русскимъ рабочимъ соціалисты передъ буржуазной революціей, какъ быстро пойдутъ ваши завоеванія, когда казацкая нагайка перестанетъ разгонять стачки, а правительство позволитъ накоплять профессіональныя кассы. Но не успѣли еще рабочіе попробовать этого чудеснаго „строя свободы", какъ капиталисты уже показали, что могутъ обойтись и безъ казацкой нагайки, что у нихъ есть нагайка получше казацкой — ужасный локаутъ, что ихъ не пугаетъ забастовка рабочихъ одной отрасли производства, что прекращеніемъ производства въ одной профессіи не рабочіе подымутъ плату, а капиталисты ее понизятъ. Капиталисты видѣли, что рабочіе во всемъ вѣрятъ соціалистамъ, которые между тѣмъ за спиной у рабочихъ обязались ни въ коемъ случаѣ не подымать всеобщихъ бунтовъ за рабочее дѣло, а только за интеллигентское. Капиталисты знали, что такимъ образомъ ихъ адское средство, обрекающее сотни тысячъ на голодовки, сойдетъ имъ безнаказанно.

Итакъ, допустивъ улучшеніе условій труда для одной части рабочаго класса, грабители ничуть не ослабили той цѣпи, которою скованъ весь рабочій классъ — голода безработныхъ. Кромѣ рабочихъ, обезпечившихъ себя въ очень незначительной степени своими профессіональными союзами, есть еще даже въ самыхъ „передовыхъ" странахъ цѣлые громадные слои бѣдствующихъ, голодныхъ, получающихъ нищенскую плату рабочихъ, которымъ профессіональную

кассу и составить то не на что. Есть, наконецъ, въ каждомъ государствѣ, въ каждомъ крупномъ городѣ, въ каждомъ промышленномъ центрѣ армія безработныхъ, нужная капиталистамъ для экстренныхъ, непредвидѣнныхъ работъ, перебрасываемая съ одного мѣста на другое и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находящая кое-какой заработокъ.

Итакъ, съ развитіемъ промышленности и культуры, съ развитіемъ профессіональнаго движенія, безработица ничуть не уменьшается. Напротивъ, положеніе безработныхъ стало гораздо тяжелѣе вслѣдствіе выросшей отчужденности и оторванности лучше поставленной, организованной части рабочаго класса. Голодъ безработныхъ остается по прежнему для всѣхъ рабочихъ страшнѣйшей угрозой, которою грабители держатъ весь рабочій классъ въ своей власти. Голодъ безработныхъ ставитъ предѣльную грань всѣмъ завоеваніямъ даже лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Какъ ни растетъ ихъ плата, она остается рабскимъ пайкомъ невольниковъ пожизненнаго ручнаго труда.

Когда рабочіе дѣйствительно приступятъ къ низверженію вѣковой неволи, первымъ дѣломъ ихъ рабочей революціи, первымъ требованіемъ ихъ всеобщихъ экономическихъ стачекъ будетъ требованіе обезпеченія безработныхъ отъ голода.

Какъ указано уже выше, „революціонные соціалисты", анархисты, хоть и ищутъ якобы бунтующихъ массъ, — къ безработнымъ, однако, никогда не попадаютъ. Мало того — они такъ построили свое ученіе, что всякій ихъ послѣдователь никогда и не можетъ подойти къ безработнымъ массамъ съ цѣлью собрать ихъ и объединить въ опредѣленномъ требованіи. Анархистское ученіе, какъ сейчасъ увидимъ, дѣлаетъ невозможною какую либо особую борьбу безработныхъ съ ихъ особымъ требованіемъ. Анархистъ только и можетъ сказать безработнымъ массамъ: подымайте соціальную революцію, захватывайте производство въ свои руки. Но такъ какъ эта „соціальная революція" за сто лѣтъ не приблизилась, а еще больше удалилась, то и безработнымъ послѣ всѣхъ анархистскихъ и соціалистическихъ совѣтовъ остается пока лишь одно: умереть съ голоду или, въ лучшемъ случаѣ, прибѣгнуть къ воровству и за это окончить свою жизнь въ тюрьмѣ или на висѣлицѣ.

Отъ кого безработные должны требовать обезпеченія ихъ отъ голодной смерти? Тутъ прежде всего надо замѣтить, что анархисты въ своемъ пустомъ и безсодержательномъ

фразерствѣ совѣтуютъ вообще рабочимъ не „требовать", а „самимъ брать". Однако отъ этой своей трескучей формулы они отступили и великодушно разрѣшаютъ занятымъ рабочимъ требовать и получать уступки отъ своихъ хозяевъ. Но какъ же *безработнымъ* массамъ требовать обезпеченія отъ голода у отдѣльнаго хозяина или хозяевъ одной профессіи, подобно занятымъ рабочимъ? Вѣдь за муки голода безработныхъ отвѣтственны не отдѣльные хозяева, а всѣ эксплуататоры въ совокупности, весь ихъ грабительскій строй. Понятно, что требовать обезпеченія безработныхъ массъ, возможно только у *власти*, какъ мѣстной, такъ и центральной государственной, у власти, которая и представляетъ объединенную силу всѣхъ эксплуататоровъ. Но требовать уступокъ у власти и получать ихъ отъ нея?! Ни за что! кричатъ анархисты. Это значило бы, по ихъ мнѣнію, собственноручно усиливать государство. А анархисты убѣждаютъ вѣдь, что прежде всего нужно всякую власть немедленно уничтожить.

Отъ этихъ анархистскихъ выкриковъ столько же толку, какъ и отъ всѣхъ соціалистическихъ басенъ. Бывало уже за сто лѣтъ не мало такихъ ученій „революціоннаго соціализма", которыя прямо говорили рабочимъ: зачѣмъ бороться за повышеніе заработной платы, за уступки? Надо сразу упразднить и прогнать капиталистовъ. Но такъ какъ всѣ соціалистическіе способы упраздненія капиталистовъ сплошная ложь, то и всѣ совѣты „революціонныхъ соціалистовъ" служили лишь средствомъ удержанія отъ борьбы за высшую плату осужденнаго на ручной трудъ раба.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ анархистской „властью". Анархисты и понятія не имѣютъ о томъ, что грабительская *власть* слѣдуетъ изъ грабительскаго *владѣнія* всѣми богатствами, что поэтому эта грабительская власть, государство можетъ исчезать лишь въ той же мѣрѣ, въ какой будутъ отыматься у грабителей ихъ богатства. Анархисты же совѣтуютъ повѣрить ихъ безсмыслицѣ, будто государственную власть можно уничтожить хоть сію минуту, лишь бы только сжечь всѣ „документы" и книги законовъ и дезорганизовать центральную государственную власть.

Но какъ соціалистическія басни не удержали рабочихъ отъ борьбы за облегченіе ихъ каторжнаго труда, такъ и всевозможныя формулы анархистовъ и „революціонныхъ соціалистовъ" не удержатъ безработныхъ отъ нападенія на государственную власть съ требованіемъ обезпеченія безра-

ботныхъ. И безработныя массы это уже дѣлали. Когда полвѣка съ лишнимъ тому назадъ во время революціи 1848 г. рабочіе получили случайно въ Парижѣ общественныя работы въ національныхъ мастерскихъ, когда буржуазія впослѣдствіи рѣшила упразднить эти мастерскія и обречь рабочихъ на голодъ, они подняли величайшее рабочее возстаніе, которымъ навсегда напугали буржуазный міръ и соціалистовъ въ томъ числѣ.

Итакъ, даже тѣ соціалисты, что по своей революціонности могли бы, казалось, выразить отчаяніе голодныхъ массъ, именно анархисты, по своему ученію наиболѣе далеки отъ борьбы безработныхъ. Напротивъ, болѣе умѣренные соц.-д—ты подымаютъ иногда борьбу за общественныя работы для безработныхъ, какъ напр. въ Англіи и въ прошломъ году въ Россіи; но они берутся за это дѣло лишь изъ опасенія, что голодные люди нарушатъ покой буржуазной жизни и мирныхъ рабочихъ союзовъ, или же для того, чтобы подачкой подкупить безработныхъ для своей буржуазной революціи.

Вообще никакой соціализмъ ни за что не допуститъ борьбы безработныхъ въ широкомъ размѣрѣ. Вотъ первое слово, съ которымъ соціалистъ обращается къ голоднымъ: — ничего не подѣлаешь, безработица не можетъ быть уничтожена, пока не наступитъ соціалистическій строй. И такъ какъ большинство соціалистовъ уже окончательно перенесло наступленіе своего коммунистическаго рая въ будущіе отдаленные вѣка, то до того времени сколько еще человѣческихъ существъ должно погибнуть голодною смертью! И ничего не подѣлаешь, повторяетъ соціалистическая наука: никакая человѣческая сила, никакой рабочій бунтъ не въ состояніи предотвратить всѣхъ этихъ милліоновъ голодныхъ смертей.

Если такъ относятся къ голодовкамъ безработныхъ революціонеры, соціалисты, считающіеся защитниками рабочихъ, то чего же ждать отъ правителей, отъ тѣхъ министровъ и городскихъ думъ, къ которымъ обращаются безработные. Тѣ, отклоняя требованія безработныхъ, только повторяютъ слова соціалистовъ: въ нынѣшнемъ строѣ безработица и голодовки базработныхъ неизбѣжны; мы ничего не можемъ для васъ сдѣлать. Грабителямъ, озабоченнымъ лишь тѣмъ, чтобы удержать рабочихъ на рабскомъ пайкѣ вѣчной угрозой голода, и не выдумать лучшихъ для этой цѣли доводовъ, чѣмъ тѣ, которые даетъ соціалистическая

наука. Передать претензію голодныхъ будущему строю! вотъ вѣчная пѣсенка соціалистовъ. Будущее общество и подготовленіе къ нему выдуманы исключительно для того, чтобы отложить борьбу противъ грабителей до будущихъ вѣковъ.

Уничтоженіе безработицы невозможно, пока существуетъ капиталистическій строй, — говоритъ соціалистъ.

Если бы соціалистъ умѣлъ отдѣлаться отъ своихъ измышленій, онъ сказалъ бы это иначе: безъ всеобщей схватки съ грабителями, безъ рабочей революціи уничтоженіе безработицы невозможно.

Такъ какъ, продолжаютъ соціалисты, пока еще существуетъ капиталистическій строй, то немедленно приступать къ уничтоженію безработицы безразсудно.

Если и эти слова соціалиста перевести на обыкновенный языкъ, то получимъ: — мы, соціалисты, не думаемъ подымать революціи за уничтоженіе безработицы, за сверженіе рабочей неволи. Такую революцію мы поручаемъ нашимъ далекимъ потомкамъ.

Дѣйствительно, соціалисты предоставляютъ будущимъ поколѣніямъ борьбу за предотвращеніе милліоновъ голодныхъ смертей, а пока что, готовы устроить еще хоть сто буржуазныхъ революцій.

Соціалистамъ грабительскій строй такъ же дорогъ, какъ всѣмъ господамъ, какъ всѣмъ, стремящимся стать господами, и поэтому они называютъ безразсудствомъ стремленіе къ немедленному прекращенію голода, къ немедленному уничтоженію этой цѣпи, сковывающей весь рабочій классъ.
